

СВЯТ МОЖЕТ СТАТИ.
ИЛИ УНИЧТОЖИТЬ ВСЕЛЕННУЮ.

ФОРМУЛА

ТИШИНЫ

ЕГО ГОЛОС — КЛЮЧ К ДРЕВНЕЙ ТАИНЕ.
ЕГО ВЫБОР — СУДЬБА ВСЕХ МИРОВ.

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ВЯЧЕСЛАВ КОРД

18+

Вячеслав Корд

Формула Тишины

<https://litres.ru/74049163>

SelfPub; 2026

Аннотация

Капитан грузового шлюпа «Чёрная звезда» Элиас Кейн вёз партию храмовой патоки и собирался уйти на покой. До покоя оставалось два рейса.

В трюме оказался цилиндр — запись голоса императора Фариона, сожжённого вместе с дворцами Рубинового Трона тысячу лет назад. Голос Формулы. Той самой, что переписывает реальность.

Тридцать шесть Носителей пытались её удержать. Все либо сошли с ума, либо исчезли. Кейн становится тридцать седьмым — не потому, что выбрал, а потому, что выстрелил в цилиндр первым. Теперь у него на ладони золотая петля. На горизонте — Жнецы Бездны, флот клана Тэррконен и собственный отец, чей план растянулся на тридцать лет. А под ногами на планете-кости что-то дышит. Очень медленно. И очень терпеливо.

Тёмная космическая опера о цене знания, о том, что некоторые формулы нельзя произнести — их можно только услышать, и о команде, которая возит патоку и старается не умереть. Камерная история на фоне миллионов лет космической памяти.

Полностью завершённый роман.

Содержание

Глава 1. Тишина перед ударом	4
Глава 2. Место, где звёзд нет	23
Глава 3. Чай, который остывает вечность	41
Глава 4. Имя, которое не пишут	59
Глава 5. Шрам на карте	76
Глава 6. Те, кто поёт на границе	95
Глава 7. Сердце, которое поёт в миноре	114
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Вячеслав Корд

Формула Тишины

Глава 1. Тишина перед ударом

Капитан Кейн не любил тишину.

В открытом космосе её не бывает — гудит реактор, потрескивают сервоприводы, шепчется система охлаждения, где-то в районе третьего технического отсека вечно что-то капает. Не громко. Методично. Кап. Кап. Кап. Как метроном для людей, у которых нет музыкального слуха, зато есть нервы.

Кейн сидел в капитанском кресле и держал кружку.

Кружка была старая — белая эмаль с надписью «Лучший капитан мёртвого космоса», подарок команды на третью годовщину первого рейса. Надпись давно стёрлась наполовину, осталось только «Лучший кап» и размытый силуэт звезды долёта. Кейн пил из неё «Вэл» — дешёвое портовое пойло, которое на Станции Пятого Пояса гнал один дед. Деда все звали Дед Дэниэлс, потому что его самогон был настолько крепким, что первая партия, говорят, растворила пластиковые стаканы. Дед перешёл на стеклянные. Самогон называли «Вэл» — сокращение от «валит с ног». Кейн пил его уже лет восемь и до сих пор стоял на ногах. Он считал это личной

победой.

Сейчас он не пил. Просто держал кружку. Грел ладони.

Из динамиков — тихо, почти на пороге слышимости — шла музыка. Накопитель Кейн купил три рейса назад на пиратской станции у края четвёртого сектора. Продавец сказал: «древний, с Земли, там много». Кейн не знал что такое Земля — планета, легенда, выдумка торговца. Язык на записях был незнакомым. Звук — нет. Что-то в нём было правильным. Резким и честным одновременно. Он включал фоном когда хотел думать.

Сейчас звучало что-то медленное. Гитара. Голос — низкий, усталый, знающий что говорит. Слов Кейн не понимал, но мотив запомнил с первого раза. Иногда напевал его тихо — когда один и не следил за собой.

За иллюминатором тянулось привычное ничто — чёрный бархат с дырками от звёзд. «Чёрная звезда» шла стандартным курсом, двигатели работали ровно, груз в трюме не смешался, декларация была в порядке. Двадцать тонн храмовой патоки, пункт назначения — колония Тэлл на краю четвёртого сектора. Обычный рейс.

Кейн не верил в обычные рейсы.

Двенадцать лет в открытом космосе учат одному: если всё идёт слишком спокойно — жди. Не паникуй, не ищи проблеме — просто жди. Она сама найдёт.

— Доббс, — сказал он в переговорник.

— Занят, — отозвалось из камбуза.

— Чем?

— Важным делом.

Кейн поднялся из кресла, прошёл три шага до двери камбуза и толкнул её. Механик Доббс стоял у плиты с двумя кружками в руках и смотрел на Лину с таким выражением первооткрывателя, который нашёл то, что давно искал.

— Вот, — сообщил он торжественно, протягивая ей кружку. — Сделал тебе отдельно. С сахаром. Ты же любишь с сахаром?

— Я пью без сахара, — сказала Лина, не отрываясь от планшета.

— Точно?

— Три года вместе летаем.

— Три года я мог неправильно запоминать. — Доббс поставил кружку перед ней всё равно. — Попробуй. Вдруг понравится.

— Доббс.

— Что?

— Ты положил туда два куска.

— Один большой.

— Два нормальных. Я вижу осадок.

Доббс почесал затылок с видом человека, чья стратегия раскрыта раньше времени.

— Ладно, — сказал он. — Но ты всё равно могла бы попробовать. Ради меня.

— Я пью свой чай, — сказала Лина. — Который сама себе

налила. Без сахара.

— Холодный небось.

— Тёплый.

— Остынет скоро.

— Успею выпить.

— А если нет — я подогрею, — предложил Доббс с готовностью, которая явно выходила за рамки технических обязанностей механика.

Кейн прислонился к дверному косяку.

— Доббс.

— Да, капитан?

— Ты проверял левый контур охлаждения сегодня?

— Утром.

— А трубу в третьем отсеке?

Доббс открыл рот. Закрыл. Посмотрел в сторону с видом человека, который вспоминает, не забыл ли что-то важное.

— Она капает, — сказал Кейн.

— Она всегда капает.

— Ты говорил, что починил её четыре раза.

— Говорил.

— И она всё равно капает.

— Это упрямая труба, — сказал Доббс с достоинством.

— Характер у неё такой. Некоторые вещи нельзя починить — можно только принять.

— Иди к двигателям, — сказал Кейн. — Проверь перед дальним курсом.

Доббс посмотрел на Лину. Лина смотрела в планшет. Доббс вздохнул так глубоко, что шатающийся стол, кажется, почувствовал сочувствие.

— Я вернусь, — сообщил он Лине.

— Знаю, — сказала она.

— Может, тогда кофе? Когда вернусь?

— У нас нет кофе.

— Я найду.

— Доббс, кофе кончился две недели назад. Ты сам его допил.

— Это была трагедия, — согласился Доббс. — Но я её пережил. И готов двигаться дальше. — Он выразительно посмотрел на неё.

— Иди к двигателям, — сказала Лина.

Доббс ушёл. Кейн слышал, как он идёт по коридору, бормоча что-то невнятное — не злобно, скорее философски. Что-то про несправедливость вселенной и недооценённых механиков.

— Три года, — сказала Лина, когда шаги стихли.

— Что?

— Три года он это делает.

— Знаю.

— И каждый раз с новым подходом. — Она наконец оторвалась от планшета. — Сначала был кофе. Потом — «помочь с картами». Потом — «объяснить показания реактора». Теперь вот сахар.

— Он искренний, — сказал Кейн.

— Он неисправимый, — ответила Лина, но в голосе не было ничего похожего на раздражение. Скорее — что-то вроде тёплого, слегка усталого привыкания. Как к трубе в третьем отсеке, которую нельзя починить, но которая уже стала частью звуков корабля.

Кейн взял свою кружку. Поставил на плиту — разогреть. «Вэл» холодным пить можно, но незачем.

— Есть что-то по маршруту? — спросил он.

— Пока чисто, — сказала Лина. — Но в секторе Гекаты — активность. Флот Тэррконен перегруппировывается. Три крейсера сменили позицию вчера.

— Плановая ротация?

— Нет данных. — Она тронула планшет. — Могло быть ничем.

— Но ты упомянула.

— Потому что могло быть не ничем.

Кейн взял кружку. Отпил. «Вэл» горел в горле хорошо — не как плохое пойло горит, а как что-то, что знает своё место.

— Лина.

— Да?

— Ты ела сегодня?

— Утром.

— Что именно?

Кейн ждал.

— Паёк.

— Холодный?

Кейн не торопил.

— Я собиралась разогреть.

— И?

— Забыла.

Кейн открыл ящик под плитой. Достал два паёк-контейнера — стандартные, серые, с маркировкой «Смесь белковая, тип 3». Поставил на плиту рядом со своей кружкой.

— Когда нагреется — съешь.

— Капитан, я не—

— Лина.

— Хорошо.

Она вернулась к планшету. Кейн смотрел на карту сектора — голографическую, бледно-голубую, с отметками систем. Три крейсера Тэррконен. Сменили позицию.

Он поставил кружку.

Он потянулся к панели и выключил накопитель. Музыка смолкла — гитара, голос, всё разом. Когда дела серьёзные, фон мешает.

— Подтверди ещё раз, — сказал он.

Лина уже смотрела на карту без планшета — прямо в голограмму. Шесть пальцев левой руки слегка двигались, считывая данные. Этот её талант — абсолютный слух на искажения пространства — иногда выражался именно так: пальцы читали то, что глаза только видели. Сенсоры дали сигнал минутой позже её пальцев. Она часто опережала технику.

— Армада клана Тэррконен изменила курс, — сказала она. — Не три крейсера. Больше. Идут по нулевой траектории. — Её пальцы застыли. — До точки перехвата три часа.

Три часа.

Кейн не пошёл за бластером. Не поднял тревогу. Просто стоял и смотрел на карту, на красные метки, которые двигались медленно и уверенно — как люди, знающие, что торопиться незачем.

Из коридора донёсся звук шагов. Потом — голос Доббса:

— Двигатели проверил. И ещё — Лина, если хочешь, после рейса я мог бы—

— Доббс, — сказал Кейн.

— Да, капитан.

— Зайди.

Доббс вошёл в камбуз. На лбу — свежая ссадина, красная, явно от крышки люка. Кейн промолчал. Некоторые вещи объяснять не нужно.

Кейн подошёл к капитанскому креслу. У правого подлокотника — скрытая панель, которая выглядела как давно сломанная панель подогрева. Доббс её не ремонтировал специально уже три года. Пластина отошла без звука. Внутри — вакуумная ячейка, обложенная старым корабельным войлоком, а в ней — цилиндр. Чуть длиннее мужской ладони. Никакой маркировки, никаких швов.

Тёплый.

Кейн достал его. Взял в руку. Цилиндр лежал в ладони,

как лежит вещь, которая давно знает эту ладонь.

— Хрень, — сказал Доббс тихо.

— Именно.

— Это то, что я думаю?

— Говорят, это голос императора Фариона. — Кейн смотрел на цилиндр. — Последняя запись перед тем, как дворцы Рубинового Трона сожгли дотла. Считается, что он произнёс формулу, способную переписать реальность.

Тишина.

Доббс сел. Прямо на пол, у переборки. Достал из кармана ветошь — она у него всегда в кармане — и начал мять в руках, не вытирая ничего. Просто мял.

— Вот почему тройная ставка, — сказал он наконец.

— Да.

— А патока — это прикрытие.

— Да.

— И Тэррконен знает, что у нас есть.

— Вероятно.

— И летит не проверить декларацию.

— Нет.

Доббс помял ветошь ещё немного.

— Капитан, — сказал он, — я должен был спросить раньше. Когда мы соглашались на рейс. Почему не спросил?

— Тройная ставка, — сказал Кейн.

— Тройная ставка, — повторил Доббс. — Да. Это логично.

Лина не садилась. Стояла у карты, смотрела на красные метки. Голос у неё был ровным — она умела делать голос ровным в моменты, когда другие голоса ломались.

— Тогда Тэррконены не хотят нас остановить. Они хотят нас стереть. С историей. С памяти коллективного разума.

— Это громко сказано, — заметил Доббс.

— Но точно.

— Да, — согласился он. — Точно.

Кейн убрал цилиндр обратно в ячейку. Захлопнул панель. Подошёл к иллюминатору. Далёкие солнца — обычные, мирные, ничего не подозревающие — стояли на своих местах. Потом одно погасло. Потом ещё одно. Потом ещё. Не умерли — корабли противника закрывали сектор. Один за другим. Спокойно, методично, как кто-то задувает свечи перед сном.

— Есть три варианта, — сказал Кейн.

— Первый? — спросила Лина.

— Сдаться.

— Исключён, — сказала Лина.

— Согласен. Второй — драться.

— Мы грузовик, — сказал Доббс. — Наше вооружение — мой ключ-двадцатка и старый бластер под вашим сиденьем с зарядом процентов на сорок.

— Исключён, — сказал Кейн. — Третий — Врата Гекаты. В системе значится мёртвая зона. Червоточина без известного выхода. Туда даже тэррконенские следопыты не суются.

— Почему мёртвая? — спросила Лина.

— Потому что оттуда никто не возвращался.

Кейн ждал.

— Отлично, — сказала Лина. — Это меня очень успокоило.

— Всегда пожалуйста.

Доббс встал с пола. Отряхнул штаны. Посмотрел на Лину — не как обычно, без флирта. Просто посмотрел.

— Лина, — сказал он. — Как ты?

— Нормально.

— Нет, серьёзно.

— Серьёзно — нормально. — Она посмотрела на него. — Ты?

— Я немного в панике, — признался Доббс. — Но тихо. Внутри. Снаружи — полный профессионализм.

— Снаружи ты сидел на полу и мял тряпку.

— Это тоже профессионализм. Механик должен знать своё оборудование. — Он убрал ветошь в карман. — Ладно. Мёртвая зона так мёртвая зона. Хуже чем армада Тэррконен всё равно не будет.

— Не говори такого, — сказала Лина.

— Почему?

— Потому что вселенная слышит.

— Вселенная занята тем, что посылает на нас армаду.

— Она умеет делать несколько вещей одновременно.

Доббс посмотрел на неё. Потом — с совершенно другим

выражением — добавил:

— Знаешь, когда всё это закончится, я куплю тебе ужин.

Нормальный. Не паёк.

— Доббс.

— С вином.

— Доббс.

— И со скатертью. Я слышал, на станции Порт-Нов есть место, где скатерти белые и—

— Доббс, — сказал Кейн.

— Да, капитан?

— Двигатели.

— Иду, — вздохнул Доббс. — Но предложение в силе, — добавил он, уже уходя. — Белая скатерть, Лина. Подумай.

— Я подумаю, — сказала Лина.

Доббс остановился. Обернулся.

— Серьёзно?

— Нет.

— А звучало серьёзно.

— У меня хорошая интонация.

Он исчез в коридоре. Кейн слышал, как он спускается в технический отсек — с комментарием в адрес двигателей, который начинался со слов «ладно, красавцы, нам снова нужна ваша помощь».

Лина смотрела на карту. Красные метки — три часа, и они доберутся.

— Капитан, — сказала она. — Готовим прыжок?

— Готовим, — сказал Кейн.

Он забрал кружку. Вернулся в кресло. Лина начала вводить координаты. Пальцы двигались быстро — шесть на левой руке давали ей скорость, которую нельзя воспроизвести пятью.

Кейн смотрел, как она работает.

Двенадцать лет назад он взял её вторым пилотом на старый угольный транспорт — молодую, почти без рейсов, с рекомендацией от станционного диспетчера, который написал: «умная, держит нервы, не врёт». За двенадцать лет она выросла в первого пилота, которому можно было доверить корабль в любой ситуации. Кейн давно это знал. Иногда думал, что она лучший пилот, с которым ему доводилось летать. Он ей не говорил. Она, наверное, знала сама.

— Координаты введены, — сказала она.

— Доббс? — крикнул Кейн в переговорник.

— Двигатели горячие! — донеслось снизу. — Реактор в норме! И, кстати, Лина — белая скатерть всё ещё в силе!

— Сосредоточься на двигателях, — сказала Лина в переговорник.

— Я могу делать два дела одновременно!

— Делай одно хорошо!

— Это дискриминация многозадачных людей!

Кейн поставил пустую кружку. Посмотрел в иллюминатор — солнц почти не осталось. Армада шла методично.

— Готовим прыжок, — сказал он.

Прыжок через червоточину — это не то, что показывают в рекламных роликах межзвёздных компаний. Там обычно красивые цветные тоннели, плавное скольжение, торжественная музыка. На деле — семнадцать секунд полного хаоса. Каждый инструмент на корабле начинает спорить с соседним о том, что происходит. Реактор думает, что он работает. Двигатели думают, что они выключены. Хронометры перестают думать вообще и просто паникуют — каждый по-своему.

Кейн умел прыгать через червоточины с закрытыми глазами. Смотреть всё равно не на что. Снаружи иллюминаторов в момент прыжка — не темнота и не свет. Что-то, для чего у человеческого глаза нет рецепторов. Кейн однажды смотрел. Потом неделю видел странные сны. Больше не смотрел.

Семнадцать секунд.

В коридоре что-то грохнуло. Потом — голос Доббса:
— Нормально! Это ящик с запасными фильтрами! Они давно плохо лежали!

— Живой? — спросила Лина.

— Живой! Фильтры тоже! Большинство!

На камбузе — Кейн слышал это через переборку — упала кружка. Та самая, щербатая. Покатилась по полу с характерным звуком и затихла у стены. Он подумал, что нужно проверить — не разбилась ли. Потом подумал, что она пережила уже семь прыжков и вряд ли сломается от восьмого.

— Выход, — скомандовала Лина. — Три. Два. Один.

«Чёрная звезда» вывалилась в реальность.

И встала.

Не в смысле — остановилась. В смысле — вокруг не было ничего, что двигалось бы относительно чего-то. Ни звёзд. Ни планет. Ни пыли. Ни фонового излучения. Абсолютное, полное, оглушительное ничто — каким оно бывает только в том месте, которое никто никогда не называл местом.

— Капитан, — сказала Лина медленно. — Звёзд нет.

— Знаю.

— Совсем нет.

— Знаю.

— Это не должно быть возможным.

— Знаю.

Из технического колодца появилась голова Доббса — с новой ссадиной поверх старой. Он посмотрел в иллюминатор. Потом на Кейна. Потом снова в иллюминатор.

— Где звёзды? — спросил он.

— Нет, — сказал Кейн.

— Совсем?

— Совсем.

— Ну и хрень, — сказал Доббс задумчиво. — Полная и законченная.

— Именно.

— Капитан.

— Что?

— Вы ели сегодня?

Кейн посмотрел на него.

— Доббс.

— Просто спрашиваю. У нас, кажется, будет длинный день. Нужно поесть.

— У нас нет звёзд, — сказал Кейн.

— У нас есть паёк, — ответил Доббс. — И это сейчас более управляемая проблема.

Лина отвернулась от карты — на секунду, только на секунду — и посмотрела на Доббса с выражением, которое можно было прочесть как «ты идиот», но можно было прочесть и как «ты удивительный».

— Паёк потом, — сказала она. — Сначала — что это такое и как нам отсюда выйти.

— Согласен, — сказал Доббс. — Но потом — паёк. И, Лина, если хочешь, я могу—

— Нет.

— Ты не дослушала.

— Нет.

— Подогреть твой. Только подогреть.

— Я сама подогрею.

— У тебя руки заняты.

— Доббс.

— Шесть пальцев — это много, я понимаю, но—

— Доббс, — сказал Кейн.

— Да, капитан?

— Реактор.

— Иду, — сказал Доббс. — Но предложение про паёк в силе. И про скатерть тоже. — Голова исчезла в колодце. Снизу донеслось: — Реактор молчит. Но двигатели работают. Это физически невозможно. Отмечаю для протокола — это физически невозможно, но происходит.

Кейн разжал кулак. Цилиндр — он незаметно для себя достал его и сжимал всё это время — лежал на ладони. Тёплый. Пульсирующий в такт его дыханию. Медленно, уверенно, как что-то очень живое и очень старое.

— Голос императора, — прошептала Лина. — Он что-то делает с этим местом.

— Или это место делает что-то с ним, — сказал Кейн.

Прямо по курсу вспыхнула алая точка. Росла. Пульсировала. Превратилась в сферу — идеально ровную, безупречную, как чья-то очень аккуратная идея о том, как должна выглядеть дыра в пространстве. Из сферы выходил корабль.

Формой — рассечённая капля, покрытая зеркальными чешуйками. Каждая отражала звёзды, которых вокруг не было. Флагман Тэррконенов показался бы рядом с ним деревянным корытом.

— Гравитационный захват, — выдал корабельный ИИ голосом, лишённым какого-либо мнения по этому поводу. — Нас тащат.

Кейн рванул штурвал. «Чёрная звезда» взвизгнула — и не сдвинулась ни на метр.

— Лина, — сказал он. — Что за корабль?

Она уже рылась в базах данных. Файл за файлом. Все показывали одно слово на языке, который она никогда не учила, но понимала — как понимают боль, не зная её анатомии. «ВЕРНУЛИСЬ».

— Капитан, — она подняла бледное лицо, — этот корабль ждал нас. Не нас — цилиндр. Сигнатура корпуса — тот же материал.

По внутренней связи прозвучал голос — чистый, глубокий, очень старый. Настолько старый, что у Лины на висках выступили слёзы — не от горя, а от того, что некоторые звуки попадают прямо в ту часть человека, которая была раньше слов.

— Носитель Формулы. Ваше возвращение предсказано семнадцатью миллиардами лет назад. Приготовьтесь к стыковке. Император Фарион ждёт вас на чаепитие.

Доббс вылез из колодца. Посмотрел на зеркальный корабль. Потом сказал:

— Чаепитие. Значит, чаепитие. — Почесал вторую ссадину. — Я не успел позавтракать. Может, хоть печенье дадут.

— Доббс, — сказала Лина.

— Что? Это законный вопрос.

— Я думал, император мёртв, — добавил Доббс.

— В нашем времени — да, — ответил Кейн. Зеркальная пасть открывалась, принимая их внутрь.

Он сунул цилиндр за пазуху. Потянулся к бластеру под сиденьем. Проверил заряд — тридцать восемь процентов.

Доббс говорил сорок. Ну, почти.

— Команда, — сказал Кейн. — Протокол последнего рейса. Если через час меня не будет — взрывайте и реактор, и цилиндр. Лучше стать призраками, чем тем, во что нас тут превратят.

— Капитан, — сказала Лина. — Может, не надо одному?

— Надо.

— Тогда хотя бы —

— Лина.

— Куртку застегните. Там может быть холодно.

Кейн посмотрел на неё. Застегнул куртку.

— Доббс, — сказал он.

— Да, капитан?

— Держи Лину в безопасности.

Доббс кивнул. Серьёзно, без шуток — первый раз за утро.

— Всегда, — сказал он.

Кейн шагнул в стыковочный рукав. За спиной — чернота безвременья. Впереди — кто-то очень старый и очень терпеливый разливал чай, которому не было числа.

А в рубке Доббс встал рядом с Линой, плечо к плечу, смотрел в иллюминатор вслед капитану и молчал. Лина тоже молчала. Иногда молчание — это всё, что есть.

Глава 2. Место, где звёзд нет

Прыжок длился семнадцать секунд по корабельному времени. И три тысячи лет по тому, как билось сердце Лины.

Это не метафора. Лина однажды объясняла Доббсу, что её слух на пространственные искажения работает не ушами — он работает чем-то вроде внутреннего барометра, который реагирует на изломы в ткани реальности. Во время прыжка этот барометр зашкаливал. Каждая секунда растягивалась в субъективную вечность — не болезненно, просто очень длинно. Как ждать, когда вода закипит, только вместо воды — всё пространство вокруг.

Доббс тогда выслушал, кивнул и сказал: «То есть ты каждый прыжок переживаешь как три тысячи лет?»

«Примерно», — сказала Лина.

«И ты до сих пор не сошла с ума?»

«Ещё нет».

«Ты удивительная женщина», — сказал Доббс.

«Это не комплимент, это диагноз», — ответила Лина.

Доббс решил, что это тоже комплимент. Он вообще умел находить в её словах то, что хотел найти.

«Чёрная звезда» вывалилась в реальность.

Не плавно — как обычно после нестандартных прыжков, корабль завалило на левый борт. Инерция швырнула всё, что не было закреплено. В камбузе что-то грохнуло и покати-

лось. В техническом колодце Доббс сказал слово, которое не принято говорить в присутствии корабельного ИИ, — тот немедленно занёс его в журнал нарушений.

Алая аварийная подсветка залила рубку красным. Завыли сирены — сразу три: навигационная, гравитационная и та, которую Доббс называл «просто истерика» — она включалась, когда все остальные уже включились, и просто добавляла шуму.

— Докладывай! — крикнул Кейн, выравнивая шлюп.

Лина уже сидела прямо, руки на пульте. Плечо явно ударилось о край — она его потёрла один раз и забыла.

— Стабилизация идёт. Двигатели — норма. Реактор — норма. — Пальцы по голограмме. — Навигация...

Она замолчала.

— Лина, — сказал Кейн.

— Секунду.

— Лина.

— Капитан, дайте мне секунду.

Он дал. Смотрел на её спину — прямую, неподвижную, только шесть пальцев левой руки двигались по карте медленно, как человек, который щупает что-то и не верит тому, что щупает.

Из технического колодца показалась голова Доббса. Лоб — новая ссадина, третья за утро, на этот раз крупная, с намёком на синяк. Доббс потрогал её, поморщился, убрал руку.

— Живой, — сообщил он. — На всякий случай. Там труба

в третьем отсеке наконец упала. Полностью. Я был рядом.

— Она тебя ударила? — спросила Лина, не оборачиваясь.

— Она меня попыталась. Я успел отойти. Почти.

— Доббс, — сказал Кейн. — Что с реактором?

— Молчит, — сказал Доббс. И голос у него был странный — не испуганный, а озадаченный, как у человека, который видит что-то, не вписывающееся ни в одну известную ему схему. — Реактор молчит. Полностью. Но двигатели работают.

— Это невозможно.

— Я знаю. Поэтому и говорю. По всем законам физики, без реактора двигатели должны были заглухнуть через три секунды после выхода из прыжка. Мы должны были начать терять тепло. Через двадцать минут — минус двести семьдесят за бортом и примерно столько же внутри. — Он сделал паузу. — Но нам тепло. Мне вот даже жарковато немного. И дышится нормально.

— Фильтры? — спросила Лина.

— Я их вчера менял.

— Может, атмосфера снаружи?

— Снаружи нет ничего, — сказал Доббс. — Совсем ничего. Я смотрел на внешние датчики. Вакуум. Чистый. Без единой молекулы.

Лина наконец обернулась. Лицо у неё было спокойным — тем особым спокойствием, которое бывает у людей, когда они уже прошли стадию испуга и пришли в стадию «разбе-

рёмся».

— Капитан, — сказала она. — Звёзд нет.

— Я вижу.

— Совсем. Ни одной. Никакого излучения. Никакого фона. Даже реликтового нет — а оно есть везде во вселенной, оно буквально везде, оно осталось от Большого Взрыва, оно не может исчезнуть.

— И всё же.

— И всё же его нет.

Доббс вылез из колодца полностью. Встал. Отряхнулся. Подошёл к иллюминатору и долго смотрел в абсолютную черноту снаружи — не ту черноту, в которой есть звёзды, просто надо присмотреться. Другую. Черноту, в которой ничего нет. Принципиально.

— Красиво, — сказал он наконец.

— Что? — Лина посмотрела на него.

— Ну. По-своему. Такой абсолютный ноль. Художники за такое платят.

— Доббс, мы находимся в месте, которого не должно существовать.

— Знаю. Я просто ищу позитив.

— Позитив?

— Например, армада Тэррконен сюда явно не полетела. — Он повернулся. — Это позитив.

Лина смотрела на него секунду. Потом:

— Ладно. Принято.

Кейн разжал кулак. Цилиндр лежал на ладони — тёплый, пульсирующий. Золотое свечение стало чуть ярче, чем было до прыжка. Кейн поднял взгляд на него.

— Голос императора, — прошептала Лина. — Он что-то делает с этим местом.

— Или это место делает что-то с ним, — сказал Кейн.

— Это принципиальная разница, — сказала Лина.

— Согласен. Пока не знаю, какая именно.

Доббс подошёл к Лине — не с флиртом, просто встал рядом и тоже посмотрел на карту. Голограмма над пультом показывала ровным счётом ничего. Пустой квадрат. Там, где должны быть данные о системе, — прочерки.

— Хронометры, — сказал он. — Посмотри на хронометры.

Лина посмотрела. Потом долго молчала.

— Один показывает, что мы здесь сто лет, — сказала она наконец. — Второй — что мы только что вошли. Третий вообще считает в обратную сторону.

— Третий всегда врёт, — сказал Доббс.

— Третий — наш самый надёжный хронометр.

— Тогда он врёт убедительно.

Кейн убрал цилиндр за пазуху. Встал из кресла. Прошёлся — три шага к иллюминатору, три обратно. Большое колено отметило перемену давления — или то, что здесь было вместо давления. Что-то чуть другое. Как воздух перед грозой, только без грозы.

— Доббс, — сказал он. — Запасы.

— Что?

— Сколько у нас воды, еды, воздуха — если реактор не запустится.

Доббс почесал синяк на лбу. Поморщился. Начал считать в уме — это было видно по тому, как он смотрел в потолок.

— Вода — трое суток. Еда — неделя, если экономно. Воздух... — он снова поморщился, — ...воздух странный. Фильтры не работают, реактора нет, а воздух есть. Я не знаю, откуда он берётся. Так что с воздухом — не знаю. Может, бесконечно. Может, закончится через час. Не могу сказать.

— Хорошо.

— Это не хорошо.

— Я знаю. Просто принял к сведению.

Лина встала из кресла. Прошла на камбуз — Кейн слышал, как она там двигается. Потом вернулась с двумя кружками и тарелкой.

— Паёк, — сказала она. — Нагретый. — Поставила перед Кейном. — Вы с утра ничего не ели.

— Ты тоже.

— Я взяла себе. — Она подняла вторую кружку. — «Вэл» не трогала, только чай.

Доббс смотрел на это с видом человека, которого обошли на финишной прямой.

— А мне? — спросил он.

— Ты взрослый мужчина с двумя руками.

— Но ты так заботливо—

— Доббс, иди возьми сам.

— Я просто думал, что раз ты уже там была—

— Доббс.

— Ладно. — Он пошёл на камбуз. По дороге добавил: —

Хотя если бы ты принесла, это было бы очень мило.

— Я запомню на случай если ты сломаешь обе руки, — сказала Лина.

— Это звучит как обещание.

— Это звучит как условие.

Из камбуза донёсся звук — что-то упало и покатилося. Потом голос Доббса:

— Всё нормально! Это была лишняя миска!

— У нас нет лишних мисок, — крикнул Кейн.

— Теперь точно нет!

Кейн взял паёк. Ел стоя, смотрел в иллюминатор. Чернота за стеклом была абсолютной — не страшной, а просто окончательной. Как точка в конце предложения, за которой больше ничего нет.

Цилиндр за пазухой пульсировал. Медленно, ровно.

— Лина, — сказал он. — Что говорит шестой палец?

Она не удивилась вопросу. За три года привыкла, что Кейн иногда спрашивал именно так — не «что показывают приборы», а про шестой палец. Потому что приборы врал, молчали или не знали. А шестой палец — никогда.

Лина опустила левую руку вниз, расслабила пальцы. Ше-

стой — самый маленький, выросший между мизинцем и безымянным — чуть согнулся.

— Пространство здесь живое, — сказала она. — Не просто пустое. Оно чувствует нас. И оно ждёт.

— Чего ждёт?

— Не знаю. Решения, может. Или разрешения.

— Нашего разрешения?

— Или его. — Она кивнула на цилиндр за его пазухой.

Доббс вернулся из камбуза с кружкой и паёком. Сел у переборки — на полу, как утром, только теперь без ветоши в руках. Просто сидел и ел. На Лину поглядывал, но молчал. Иногда и он умел молчать — когда понимал, что сейчас не время.

— Прямо по курсу, — сказала Лина.

Пока ждали, Кейн поймал себя на том, что напевает — мотив с накопителя, тот протяжный, медленный. В этой тишине без звёзд он звучал иначе чем обычно. Не грустно — просто очень далеко от всего знакомого.

Кейн обернулся к иллюминатору.

Точка. Алая. Маленькая, как игла — но не статичная. Росла. Медленно, методично, как рассвет в замедленной съёмке. Пульсировала в такт чему-то, что не совпадало ни с одним прибором на борту.

— Вижу, — сказал Кейн.

— Что это? — спросил Доббс, вставая.

— Пока не знаю.

— Точка растёт.

— Вижу.

— Она большая.

— Вижу, Доббс.

Точка превратилась в сферу — идеально ровную, без единой неровности — геометрически точную, нарисованную чем-то, что не ошибается. Из сферы начал выходить корабль.

Сначала — нос. Форма рассечённой капли — плавная, без углов, без агрессии. Потом — корпус, покрытый зеркальными чешуйками. Каждая чешуйка отражала звёзды. Те, которых вокруг не было. Кейн смотрел на эти отражения и понимал, что звёзды — настоящие. Просто они в другом месте. Или в другом времени.

— Это что, — сказал Доббс тихо, — корабль?

— Корабль, — подтвердила Лина.

— Он откуда?

— Из сферы.

— А сфера откуда?

— Доббс, — сказал Кейн.

— Что?

— Заткнись на минуту.

— Хорошо. Затыкаюсь.

Корабль выходил полностью. Размер — Кейн прикидывал в уме — раза в три больше военного крейсера Тэррконен. Флагман Тэррконен рядом с ним действительно выглядел бы корытом — Кейн вспомнил, как думал это раньше, и решил,

что сравнение точное.

— Гравитационный захват, — сообщил корабельный ИИ ровным голосом человека, которому платят за информацию, а не за эмоции. — Нас тащат.

Кейн рванул штурвал. «Чёрная звезда» взвизгнула — двигатели взревели, дали полную тягу — и не сдвинулась ни на метр. Как муха в янтаре.

— Полный назад, — скомандовал Кейн.

— Уже полный, — сказала Лина. — Двигатели на максимуме. Ноль результата.

— Боковые маневровые.

— Пробовала. — Она убрала руки с пульта. — Нас ведут. Не тащат — именно ведут. Мягко. Контролируемо.

Доббс смотрел на корабль в иллюминатор. Молчал — честно, как обещал. Потом минута истекла.

— Можно? — спросил он.

— Говори, — сказал Кейн.

— Зеркальные чешуйки. Они отражают звёзды, которых здесь нет. Это значит, что этот корабль побывал там, где звёзды есть. Или он их помнит. Или он их несёт с собой. — Доббс помолчал. — Это не агрессивная машина. Агрессивные корабли не заботятся о том, чтобы выглядеть красиво.

— Логика сомнительная, — сказала Лина.

— Но мне от неё чуть лучше. Принимается?

— Принимается.

Лина набирала запросы в базы данных — один за дру-

гим. Военные реестры, торговые регистры, исторические архивы, даже закрытые базы Республики Сияющих, к которым у «Чёрной звезды» был гостевой доступ через старый контракт. Ни одна не знала этого корабля.

Файлы открывались. И в каждом — вместо данных — одно слово. На языке, который Лина никогда не учила. На языке, который она тем не менее понимала — как понимают язык боли или язык страха: не через разум, а через что-то глубже.

«ВЕРНУЛИСЬ».

— Капитан, — она произнесла это тихо. — Этот корабль ждал нас. Не нас как людей — цилиндр. Сигнатура материала корпуса идентична сигнатуре цилиндра. Один источник.

Кейн не ответил. Достал цилиндр. Смотрел на него.

Золотое свечение усилилось — не агрессивно, а как-то... радостно. Вещь узнала что-то родное.

— Ну и хрень, — сказал Доббс. Тихо. Без юмора.

Внутренняя связь. Щелчок — сухой, короткий, как у старого телефона, когда берут трубку. И голос.

Чистый. Глубокий. Не громкий, но такой, что ощущался физически — как низкочастотный звук, который слышишь не ушами, а грудной клеткой. Очень старый. Старее, чем любой голос, который Кейн слышал раньше. Старее, наверное, чем само понятие «старый».

У Лины на висках выступили слёзы. Она их не заметила — или заметила и решила игнорировать. Доббс застыл с

кружкой на полпути к губам.

— Носитель Формулы. Ваше возвращение предсказано семнадцатью миллиардами лет назад. Приготовьтесь к стыковке. Император Фарион ждёт вас на чаепитие.

Тишина.

Настоящая — не та, что перед ударом. Та, что после слов, которые слишком большие для этой рубки.

Потом Доббс допил кружку. Поставил. Сказал:

— Семнадцать миллиардов лет. Нас ждали семнадцать миллиардов лет. — Он обдумал это. — И чаепитие.

— Доббс, — сказал Кейн.

— Я просто обрабатываю информацию.

— Обрабатывай тише.

— Хорошо.

— Хорошо.

Зеркальная пасть продолжала открываться. Кейн повернулся к ней и думал о том, что у него в кармане куртки лежит бутерброд из белкового брикета, а в другом кармане — бластер с тридцатью восемью процентами заряда, и это весь его арсенал против чего-то, что ждало семнадцать миллиардов лет.

Как-то не очень убедительно.

— Лина, — сказал он.

— Да?

— Данные по цилиндру. Всё, что можешь снять дистанционно. Пока я там — пиши.

— Уже пишу, — сказала она. — С момента, как он засветился.

— Хорошо.

— Кейн. — Она оторвалась от пульта. Посмотрела на него — прямо, как умела только она. — Вы там... осторожно.

— Я всегда осторожно.

— Нет. Вы всегда смело. Это разные вещи.

— В этот раз — осторожно.

Доббс в этот момент сидел на полу у переборки и делал что-то с инструментальным набором — раскладывал ключи по размеру, щёлкал замками. Кейн наблюдал за ним секунду.

— Доббс, зачем ты раскладываешь инструменты?

— Руки заняты — голова спокойнее.

— Ты собираешься что-то чинить?

— Нет. Просто раскладываю.

— Это нормально?

— Для меня — да.

Кейн принял это. За двенадцать лет он научился принимать многие вещи про Доббса — раскладывание инструментов в стрессе было одной из самых безобидных.

— Доббс.

— Да, капитан?

— Если через час я не вернусь — Лина командует. Делай что она скажет.

— Всегда делаю что она скажет, — сказал Доббс. — Иногда она этого не замечает, но я делаю.

— Это неправда, — сказала Лина.

— Это правда в широком смысле.

— В широком смысле ты три раза на этой неделе проигнорировал мой запрос на проверку фильтров.

— Это был узкий смысл. — Доббс сложил последний ключ. — Капитан, в широком — я за вас обоих готов в огонь. В буквальном смысле. Проверено на Мерране.

На Мерране было дело три года назад — двигатель загорелся при посадке, Доббс лез внутрь с огнетушителем, пока все остальные эвакуировались. Кейн тогда тоже полез следом. Они потушили вдвоём за восемь минут. Потом сидели рядом с кораблём, закопчённые, и молчали примерно столько же.

— Я помню Мерран, — сказал Кейн.

— Тогда понимаете.

— Понимаю.

Зеркальная пасть на носу большого корабля открывалась — медленно, торжественно, как что-то, что не торопилось никогда и не собирается начинать.

— Я думал, — сказал Доббс, — что император мёртв.

— В нашем времени — да, — ответил Кейн.

— А в каком он живой?

— Судя по всему — в этом.

Доббс посмотрел на Лину. Лина смотрела на открывающуюся пасть корабля.

— Лина, — сказал Доббс.

— Что?

— Ты в порядке?

— Нет, — сказала она честно.

— Я тоже. — Он встал рядом. — Но мы справимся.

— Откуда такая уверенность?

— Три года летаем. Справлялись до сих пор.

Лина посмотрела на него — коротко, в сторону. Доббс смотрел на корабль. Плечо к плечу, на расстоянии сантиметров десяти.

— Доббс, — сказала она.

— Да?

— Отойди на шаг.

— Для устойчивости лучше вместе стоять.

— Доббс.

— Я просто за безопасность.

— Шаг.

Он отступил. Ровно на шаг. Не больше.

Кейн сунул цилиндр за пазуху. Потянулся под кресло — бластер, тридцать восемь процентов заряда. Взял в руку. Взвесил. Почти ничего не весит, если думать о том, что это единственное оружие на борту против чего-то, что ждало семнадцать миллиардов лет.

— Команда, — сказал он. — Протокол последнего рейса.

— Капитан, — Лина обернулась.

— Если через час меня не будет — взрывайте реактор и цилиндр вместе. Не пытайтесь искать выход сами. Просто

взрывайте.

— Вы идёте один, — сказала Лина. Не вопрос.

— Один.

— Потому что если что-то пойдёт не так — меньше потерь?

— Потому что если я не вернусь, кому-то нужно держать корабль.

Лина смотрела на него. Потом кивнула — коротко, один раз. Она умела принимать решения, которые ей не нравились.

Доббс подошёл к Кейну. Протянул что-то — плоский прямоугольник, завёрнутый в бумагу из-под паёк-контейнера.

— Что это? — спросил Кейн.

— Бутерброд. Я сделал пока был на камбузе. Там был кусок белкового брикета и что-то вроде пасты из пайка. Получилось не очень, но лучше, чем ничего.

— Доббс, я иду на чаепитие к древнему императору.

— Именно поэтому. Мало ли, чай там невкусный. Хотя бы перекусите.

Кейн взял бутерброд. Убрал в карман куртки.

— Держи Лину в безопасности, — сказал он.

— Всегда, — ответил Доббс.

— И не флиртуй с ней, пока я отсутствую.

— Это жестокое условие.

— Доббс.

— Хорошо. Постараюсь.

— Старайся лучше.

Снаружи зеркальный корабль ждал. Никуда не торопился. Семнадцать миллиардов лет ждал — ещё несколько минут погоды не делали.

Кейн подумал об этом. О том, что всё его существование — пятьдесят с лишним лет, двенадцать из которых в открытом космосе — для этого корабля меньше, чем мигание глаза. Что цилиндр за пазухой старше любой звезды в известной карте. Что он, Элиас Кейн, капитан грузового шлюпа с большим коленом и бластером на тридцать восемь процентов, зачем-то вписан в историю, которая началась до того, как появилось само понятие истории.

Странно, что он не испугался. Или испугался, но привычка работать там, где страх не помогает, оказалась крепче.

— Готов? — спросила Лина.

— Нет, — сказал Кейн. — Пошёл.

Кейн надел куртку. Застегнул — Лина права, там могло быть холодно. Хотел сказать ещё что-то — что-то правильное, что говорят в таких ситуациях. Но двенадцать лет в открытом космосе отучили его от пафоса.

Он просто кивнул команде. И шагнул в стыковочный рукав.

За спиной — чернота безвременья. Впереди — зеркальная пасть, которая принимала их внутрь медленно, как что-то, что умеет быть терпеливым в масштабах вселенной.

В рубке Лина смотрела в иллюминатор вслед. Доббс встал

рядом — на этот раз на полтора шага, а не на один. Лина не сказала ничего. Иногда полтора шага — это всё, что нужно.

Глава 3. Чай, который остывает вечность

Стыковочный рукав был узким — на одного человека, с расчётом, что этот человек не страдает клаустрофобией и не несёт с собой ничего лишнего. Кейн нёс бластер, цилиндр за пазухой и бутерброд в кармане. Бутерброд занимал меньше всего места, но почему-то именно о нём он думал первые двадцать шагов.

Доббс умел делать еду из ничего. Это было неожиданное открытие третьего рейса — когда провиант кончился на двое суток раньше графика и Доббс три часа провёл на камбузе, гремя посудой, а вышел с чем-то, что пахло нормально и даже было съедобным. Кейн тогда спросил, откуда он знает, как готовить. Доббс ответил: «Детство на станции. Там либо учишься, либо ешь регенерированный белок всю жизнь». Кейн не стал уточнять.

Бутерброд был так себе. Но Доббс сделал его, потому что беспокоился. Это важнее вкуса.

Кейн шёл вперёд. Рукав кончился. Переборка — и за ней другой воздух. Не другой состав, нет — просто ощущение было другим. Чуть плотнее. Чуть старше. Как в комнате, где долго никто не открывал окна, но при этом не затхло, а просто — накопилось.

Коридор не походил ни на один известный.

Вместо металла — зеркала. Пол, стены, потолок. Идеальные, без единой царапины. Кейн сделал шаг и увидел себя — не одного, а бесконечно много. Отражение в отражении в отражении, уходящее в глубину, которой физически не должно было существовать в ширине корабля.

Он остановился. Посмотрел внимательнее.

Отражения двигались. Не в такт ему — сами по себе. Каждое жило своей жизнью. Каждое было им, но не сейчас.

— Путь свидетелей, — произнёс голос. Тот же голос, что по внутренней связи. Только теперь — рядом, без динамиков, просто в воздухе. — Ваши прошлые «я» наблюдают. Они уже знают, чем всё кончится.

— Приятно знать, что у меня есть фан-клуб из призраков, — сказал Кейн. — Хотя живые поклонники были бы практичнее. Где чай?

Голос не ответил. Кейн пошёл дальше.

Откуда-то из глубины памяти поднялся мотив с накопителя — не тот медленный, другой. Быстрее. С хриплым надрывом в голосе певца. Кейн не напевал вслух — просто мотив шёл сам, как идут сами мысли, которые не останавливаешь.

В ближайшем зеркале — двадцатилетний. Стоит ровно, форменная куртка застёгнута на все пуговицы. Принимает присягу. Лицо серьёзное до болезненности — так выглядят люди, которые впервые делают что-то важное и ещё не знают, что важное можно делать и с менее скорбным выражением

лица.

Кейн взглянул на него секунду. Двадцать лет. Тогда всё было понятным — есть долг, есть правила, есть правильная сторона. Потом правила оказались написаны для одних людей, долг — для других, а правильная сторона зависела от того, кто платит.

Он пошёл дальше.

В следующем зеркале — тридцатилетний. Стоит на мостике военного крейсера, напротив адмирала Ресса — того самого, который отдал приказ бомбить гражданскую станцию на Кси-3 «для устрашения». Кейн тогда сказал нет. Вслух. При всём экипаже. Адмирал Ресс посмотрел на него как на сломанный инструмент.

Тридцатилетний Кейн на него не смотрел. Смотрел в иллюминатор, где была станция с людьми.

Это стоило карьеры. Кейн тогда не знал, что это даст ему «Чёрную звезду» и двенадцать лет настоящей жизни. Если бы знал раньше — согласился бы. Но так не бывает.

В третьем зеркале — сорокапятилетний. Ледяная луна Кси-7. Восемь холмиков в мёрзлом грунте, который не очень хотел копаться, и самодельные маркеры — куски обшивки с именами. Кейн стоял над ними и говорил имена вслух. Один раз каждое. Потому что кто-то должен был сказать.

Катастрофа была не его виной. Он это знал. Расследование подтвердило. Но люди были его — и это не отменялось ни расследованием, ни логикой, ни временем.

Кейн замедлил шаг, проходя мимо этого зеркала. Потом заставил себя идти дальше.

— Вы всё ещё помните их, — сказал голос. — Всех восьмерых.

— Это не ваше дело.

— Это не упрёк. Это наблюдение.

— Тогда наблюдайте молча.

Голос замолчал. Кейн шёл.

Коридор был длиннее, чем казался снаружи — это Кейн понял через пятьдесят шагов, когда выхода всё ещё не было видно. Физически корабль не мог быть таким длинным — «Чёрная звезда» стыковалась с ним по борту, расстояние не должно было превышать сотни метров. Но коридор продолжался.

— Здесь пространство не работает как обычно, — сообщил голос, без запроса.

— Спасибо. Я догадался.

— Просто чтобы вы не беспокоились.

— Я не беспокоюсь. Я иду.

— Это ценное качество, — сказал голос. — Большинство останавливались. Некоторые возвращались. Один ходил по коридору семнадцать лет.

— Семнадцать лет?

— Он был очень методичным человеком. Считал шаги. Вёл записи. В конце концов вышел.

— И что с ним случилось?

— Он сел, выпил чай и попросил отпустить его домой.

— И вы его отпустили?

— Нет. Но чай был хорошим.

Кейн решил не думать об этой истории. Шёл дальше.

В одном из зеркал мелькнуло что-то, что не было им. Силуэт — похожий, но не его. Выше. Другие плечи. Другая осанка. Лицо повернуто в сторону, не разглядеть.

— Что это? — спросил он.

— Носитель до вас.

— Тридцать шестой?

— Тридцать первый. Он провёл здесь много времени.

Оставил след.

— Он жив?

— По-своему.

Кейн не стал уточнять, что значит «по-своему». Некоторые ответы лучше не торопить.

Дальше по коридору отражения становились незнакомее. Он видел себя в местах, которых не было в его жизни — или были, но в другой её версии.

Вот он стоит на зелёной планете. Настоящая зелень — трава, деревья, небо синее, не через атмосферный фильтр, а просто синее. Он что-то строит — руками, без инструментов. Смеётся. Кейн не помнил, когда в последний раз смеялся так.

Вот он в каком-то зале, в одежде, которую не носил никогда — что-то торжественное, тёмное, с нашивками, которых

он не знает. Рядом — люди. Много. Они его слушают.

Вот он один в пустоте — буквально, без корабля, без скафандра — и не умирает. Просто стоит и смотрит на что-то очень большое.

— Прошлые «я» или возможные? — спросил Кейн.

— И то и другое, — сказал голос. — Время здесь не линейное.

— Это неудобно.

— Привыкнете.

— Я бы предпочёл не привыкать. Я планирую уйти.

— Все планируют уйти, — сказал голос. Без насмешки.

Просто — констатация. — Некоторые уходят.

Кейн выбрал не думать об этом. Он дошёл до конца коридора.

Зал открылся сразу — не дверь, просто коридор закончился, и стало больше. Намного больше.

Потолок уходил в черноту без конца — не декоративную, настоящую. Туда, куда уходит темнота, когда у неё заканчиваются стены. Пол — стекло или что-то, выглядящее как стекло. Под ним, на невообразимой глубине, вращались галактики. Медленно. Равнодушно. Как жернова, которым не важно, что молоть.

Посреди зала — стол.

Самый обычный деревянный стол. Кейн посмотрел на него долго, потому что обычность его здесь была странной — как стакан воды на вершине горы, не невозможный, но

неожиданный. Царапины на столешнице. Одна ножка подпёрта сложенным листком бумаги — стандартный приём для неровных полов на всех станциях галактики. Фарфоровый чайник с синими цветами по краю. Две чашки. Тарелка с печеньем.

Кейн подумал о Доббсе. Доббс бы обрадовался печению. Доббс бы сразу спросил, какое — ванильное или нет.

В кресле сидел человек.

Лет тридцать на вид. Правильные черты — не красивые в броском смысле, а правильные, как бывает у людей, которых лепили аккуратно и без спешки. Усталые глаза цвета старого золота. Простой серый костюм, немного мятый на рукавах — как у человека, который давно сидит и не думает о внешнем виде. На безымянном пальце правой руки — кольцо. Масивное, тёмное, с одним красным камнем. Рубиновый Трон.

— Капитан Элиас Кейн. — Человек улыбнулся. Не торжественно — просто, как улыбаются гостю, которого долго ждали и рады видеть. — Ты принёс мой голос домой. Садись.

— Я постою, — сказал Кейн.

— Чай заваривается ровно три минуты. У нас их много, но я ценю ритуал. — Он кивнул на второй стул. — Садись.

— Вы — Фарион?

— Да.

— Ты должен быть мёртв. Дворцы сожжены. Имя — проклятие в трёх секторах из пяти.

— В ваших пяти секторах, — поправил он мягко. — А

здесь время течёт иначе. Прошлое для меня ещё не случилось. Будущее уже рассыпалось. Я жив, потому что ещё не решил умирать.

— Это звучит удобно.

— Это звучит одиноко. — Фарион посмотрел на свою чашку. — Садись, Кейн. Ты стоишь как человек, которого сейчас будут расстреливать. Я не расстреливаю гостей.

— Только просишь их убивать тебя. Это лучше?

Фарион посмотрел на него. Потом рассмеялся — тихо, не обидно.

— Садись.

Кейн сел. Стул был обычным — деревянный, с жёсткой спинкой. Такие стоят в дешёвых портовых столовых, где кормят без претензий, но сытно. Кейн бывал в таких столовых часто.

На тарелке лежало печенье. Круглое, ванильное, с сахаром сверху. Кейн взял одно — не потому что хотел есть, а потому что взять печенье на переговорах разряжает обстановку. Это он понял ещё лет в тридцать пять, на одной сложной встрече с таможенным инспектором на Арки-Прайм.

Печенье было хорошим. Простое, правильное.

— Ты принёс ключ, — сказал Фарион. Чайник щёлкнул — три минуты истекли. Он разлил. Кейн смотрел на свою чашку — чёрная жидкость, на поверхности пляшут золотые искры, которые точно не пузырьки.

Пить не стал. Просто держал.

— Формула, которую я произнёс перед смертью, не переписывает реальность, — продолжил Фарион. — Она вспоминает ту, что была до Большого Взрыва. До того, как кто-то создал эту вселенную и забыл выключить свет.

— Звучит как бред безумца.

— Или как слова человека, который видел то, чего не видел никто другой. — Фарион отпил свой чай спокойно. — Это зависит от точки зрения.

— Вы обычно как отличаете одно от другого?

— Безумцы хотят переписать реальность. Я хочу её вспомнить. Разница принципиальная.

Кейн положил руку на бластер — не достал, просто напомним себе, что он там.

— Мои люди ждут, — сказал он. — Час. Потом взрывают реактор и цилиндр.

— Знаю.

— Что ты хочешь?

Фарион поставил чашку. Встал.

И тут Кейн увидел, на чём стоит кресло.

Не на полу.

На спине. Огромное существо, свернувшееся кольцами под столом, под стеклянным полом, уходящее в глубину, где вращались галактики. Чешуя — зеркальная, как борт зеркального корабля. Дышало. Каждый выдох рождал в черноте что-то новое — Кейн видел, как вспыхивают звёзды, целые системы появляются и гаснут за один вздох.

— Твою мать, — тихо сказал Кейн. Потом вспомнил, где находится. — Прошу прощения.

— Ничего, — сказал Фарион. — Я и сам думал примерно то же, когда увидел впервые. Правда, тогда у меня не было слов. Буквально — я тогда ещё не умел говорить.

— Когда это было?

— До времени.

— Это не ответ на вопрос.

— Это единственно возможный ответ. — Фарион смотрел на существо под полом без страха — как смотрят на что-то, к чему давно привыкли. — Этот зверь использует меня как клетку для своего страха. Пока я жив — не может двигаться. Пока не может двигаться — ваш мир дрожит. Эпидемии, войны, коллапс звёзд — это не хаос. Это дрожь от того, что что-то очень большое пытается повернуться, но не может.

— И ты хочешь, чтобы я тебя убил. По-настоящему.

— Да. Чтобы оно могло двигаться. Выйти. Уйти туда, откуда пришло.

— А если оно уйдёт и по дороге сотрёт несколько галактик?

— Не сотрёт, — сказал Фарион. — Оно не злое. Оно просто очень большое. Большие вещи иногда не замечают маленьких.

— Это слабое утешение.

— Зато честное.

Кейн отпил чай. Почти машинально — просто рука взяла

чашку, пока голова обдумывала. Вкус был странным — не плохим. Как старая вещь, к которой прикасаешься впервые, но чувствуешь, что уже держал.

— Если откажусь? — спросил он.

— Твоя команда останется здесь. «Чёрная звезда» станет частью коллекции. Их три тысячи семьсот два — кораблей, которые сюда попали. Можешь прогуляться после чая, посмотреть. Некоторые в хорошем состоянии.

— Три тысячи семьсот два, — повторил Кейн.

— Да.

— Сколько из них живы?

Фарион помолчал.

— Некоторые.

— Сколько?

— Немного.

Кейн поставил чашку. Встал. Прошёлся — три шага, развернулся. Колено. Он уже перестал его замечать — просто фоновый шум, как труба в третьем отсеке.

— Ты знаешь, что там в цилиндре, — сказал он. — Ты его записал.

— Да.

— Значит, знаешь, что будет, если я его активирую не так, как ты хочешь.

Фарион посмотрел на него. Долго.

— Ты не знаешь, как он работает.

— Нет. Зато знаю, что ты боишься. Если бы не боялся —

не строил бы всю эту декорацию. — Кейн кивнул на зал, на зеркальный корабль, на стол с печеньем. — Ты мог просто захватить «Чёрную звезду» силой. Вместо этого — чаепитие.

Фарион молчал.

— Ты хочешь, чтобы я выбрал, — сказал Кейн. — Не просто выполнил приказ. Выбрал. Почему?

— Потому что Носитель, который действует по принуждению, разрушает то, к чему прикасается. Это было проверено тридцать шесть раз до тебя.

— Тридцать шесть?

— Ты тридцать седьмой.

Кейн остановился. Смотрел на него.

— И что случилось с тридцатью шестью предыдущими?

— Большинство — сошли с ума. Некоторые — исчезли.

Двое создали то, что потом пришлось долго чинить.

— Отличный послужной список.

— Поэтому я прошу, а не приказываю.

Кейн достал цилиндр. Держал в руке. Золотое свечение было ровным — не агрессивным, не торопливым. Просто ровным.

— Ты говорил, Формула может переписать реальность, — сказал он. — Вспомнить её другой версии. А что, если я вспомню не то, что ты хочешь?

Фарион смотрел на цилиндр.

— Это риск.

— Ты его принимаешь?

— Ты его принимаешь?

— У меня нет выбора. Носитель не может действовать по чужому сценарию. — Фарион снова сел. Взял свою чашку — пустую, просто держал. — Знаешь, сколько раз я повторял этот разговор? Не с тобой — в голове. Готовился. Тридцать семь версий тридцати семи встреч.

— И ни одна не совпала с тем, как вышло?

— Шестнадцатая была близко. Тот Носитель спросил про чай первым.

— Что с ним случилось?

— Испугался существа под полом. Упал в обморок. Пришлось его будить.

— Он потом выполнил то, о чём вы просили?

— Нет. Сказал, что прежде чем он что-то делает, ему нужно поговорить с юристом.

Кейн смотрел на него секунду. Потом:

— У вас был Носитель, который требовал юриста?

— Он был очень предусмотрительным человеком. Из Республики Сияющих.

— И что?

— Юриста не нашлось. Он ушёл.

— Просто ушёл?

— Я его отпустил. Принуждать бессмысленно, я же объяснял.

Кейн взял третье печенье. Это уже не было машинально — просто печенье было хорошим.

— Кейн, — сказал Фарион. Впервые убрал улыбку. Просто смотрел — устало, честно. — Я тридцать лет стою здесь и жду тебя. Не потому что ты избранный. Не потому что предназначение. Просто потому что ты первый из тридцати семи, кто пришёл сюда с командой, которой доверяет, и с бутербродом в кармане.

— Бутербродом?

— Тот, кто берёт с собой еду на встречу с неизвестным — либо очень беспечный, либо очень уверен, что вернётся. — Он встал. — Ты уверен, что вернёшься. Это важно.

Кейн повернулся к нему. Потом — на цилиндр. Потом — на существо под полом, которое дышало и рождало звёзды.

— Если я это сделаю, — сказал он, — и выживу — ты отпустишь мою команду?

— Твоя команда свободна прямо сейчас, — сказал Фарион. — Я их не держу. Я держу тебя.

— Цилиндром?

— Твоим любопытством.

Кейн почти улыбнулся. Поставил пустую чашку на стол. Взял ещё одно печенье — машинально, просто чтобы занять руку.

— Знаешь, — сказал он, — ты говорил, Формула может переписать реальность. А что, если я перепишу правила игры?

Фарион впервые удивился. По-настоящему — брови чуть поднялись, глаза стали другими.

— Это убьёт тебя.

— Я капитан грузового шлюпа. — Кейн поднял бластер — направил не на Фариона, на цилиндр, который сам собой выскользнул из пальцев и завис в воздухе, разворачиваясь золотыми лепестками. — Мы умираем каждый день. Но хотя бы не от скуки.

— Подожди. Ты хотя бы—

Он нажал на спуск.

В рубке «Чёрной звезды» прошло двадцать минут.

Лина сидела за пультом и писала данные — всё, что удалось снять с цилиндра дистанционно, с зеркального корабля, с пространства вокруг. Писала методично, без паники. Паника была, но в другом месте — глубже, где Лина её держала, пока руки делали работу.

Доббс сидел на полу рядом с её креслом. Не говорил. Инструменты уже не раскладывал — просто сидел, прислонившись к переборке, и смотрел в потолок.

— Доббс, — сказала Лина.

— Да?

— Ты можешь сесть на нормальный стул?

— Мне так удобнее.

— Тебе неудобно. Ты сидишь на металлическом полу уже полчаса.

— Мне нравится металлический пол. Он честный. Не притворяется мягким.

Лина посмотрела на него. Доббс смотрел в потолок.

— Доббс. Он вернётся.

— Знаю.

— Он всегда возвращается.

— Знаю. — Он наконец опустил голову. — Просто каждый раз немного страшно, что этот будет первым, когда не вернётся.

Лина не ответила. Потому что нечего было ответить — он был прав, и она знала это так же хорошо.

— Лина, — сказал Доббс после паузы.

— Что?

— Когда он вернётся — я сделаю нормальный ужин. Из чего бы то ни было, что найдётся в трюме. Обещаю.

— Хорошо.

— И ты тоже поешь нормально. Не паёк.

— Доббс.

— Это не флирт. Это забота о члене экипажа.

— Ты всегда так говоришь.

— Потому что это всегда правда. Просто иногда и то и другое одновременно.

Хронометры на «Чёрной звезде» по-прежнему показывали три разных времени. Доббс в какой-то момент накрыл их тряпкой — не потому что они мешали, а потому что смотреть на три противоречащих друг другу числа было неприятно. Лина тряпку убрала: данные есть данные, даже если они не имеют смысла.

— Доббс, — сказала она.

— Да?

— Ты заметил, что воздух на корабле не меняется?

— Заметил.

— Уже три часа. Без реактора, без фильтрации. Состав идеальный.

— Я заметил. Я решил пока не думать об этом.

— Почему?

— Потому что если думать обо всём сразу, голова взрывается. Я выбираю думать об одном. Сейчас думаю о капитане.

Лина кивнула. Это был разумный подход.

— Доббс.

— Да?

— Ты действительно сделаешь ужин, когда он вернётся?

— Обещал — сделаю. У меня в трюме есть запас специй.

Личный. Никому не говорил.

— Зачем специи в трюме?

— На случай если где-нибудь окажемся с нормальными ингредиентами и без нормальной еды. Специи всё спасают.

Лина посмотрела на него с выражением, которое было похоже на уважение.

— Ты странный, — сказала она.

— Я практичный, — ответил Доббс. — Это другое.

Лина смотрела на экран. Потом — коротко, в сторону, на Доббса.

— Сядь на нормальный стул, — сказала она.

— Ладно, — сказал Доббс. Встал. Взял стул. Сел рядом с

ней — не вплотную, но близко. — Так лучше?

— Так нормально, — сказала Лина.

И они сидели, и ждали, и смотрели на зеркальный корабль снаружи, который не двигался — терпеливый, как всё в этом месте.

Глава 4. Имя, которое не пишут

Выстрела не было.

То есть он был — Кейн нажал на спуск, курок щёлкнул, заряд ушёл. Но цилиндр не взорвался и не упал. Он раскрылся. Медленно, как что-то живое, которое давно ждало этого момента и не торопилось.

Лепестки — золотые, не металлические, скорее как затвердевший свет — развернулись один за другим. Кейн успел подумать, что это похоже на цветок, которого не существует ни в одной ботанической энциклопедии галактики, потому что такие цветы не растут там, где есть время.

Потом свет.

Не тот свет, который видят глаза. Глаза тут ни при чём — они просто биология, они реагируют на фотоны определённой частоты. Этот свет был другим. Он попадал напрямую в ту часть человека, которая существовала до того, как появились глаза. До того, как появился человек. До того, как появилось понятие «видеть».

Кейн почувствовал его каждой клеткой. Каждым шрамом. Каждой косточкой больного колена, которое наконец перестало болеть — не потому что прошло, а потому что в этом состоянии понятие «болит» не работало.

— Остановись! — кричал Фариян откуда-то очень далеко. — Ты не понимаешь! Она не исполняет желания — она

вспоминает!

Кейн не мог ответить. Сознание разорвало.

Не больно. Просто — разорвало на много частей, и каждая часть стала целой жизнью.

Он был ребёнком.

Лет восемь, наверное. Стоял на траве — настоящей, не гидропонной, не синтетической, не той, что растёт в рекреационных куполах станций под ультрафиолетовыми лампами. Настоящей траве, которая растёт потому что хочет, потому что под ней земля и над ней солнце.

Планета называлась Терра. Но не та Терра, которую Кейн знал по архивам — выжженная, с атмосферными фильтрами на каждом городе, с морями, которые давно стали химическими. Эта Терра была зелёной. Дышала кислородом, которого не должно было быть в таком количестве. Пахла чем-то, для чего у Кейна не было слова, потому что это слово нужно учить в детстве, а его детство прошло на станции.

Рядом бежала собака. Рыжая, уши болтаются, язык набок. Кейн поднял взгляд на неё и знал — это его собака, он её помнит, только вот имя... имя не приходило. Это была не его память. Это была память кого-то другого, кому он одолжил тело на несколько секунд.

— Это было до, — сказал голос. Не тот голос из зеркального коридора. Другой — глубже, старше, без возраста. — До того как решили, что зелёное должно уступить место серому.

— Кто решил?

Голос не ответил. Собака убежала. Трава осталась.

Он был рыцарем.

Это слово первым пришло в голову — потому что броня, потому что меч. Но броня была из чего-то, что не металл, и меч светился, и противники вокруг были такими, что слово «противники» к ним подходило плохо. Скорее — прорехи. Дыры в пространстве, из которых тянулось то, чему лучше было оставаться снаружи.

Кейн — этот Кейн, рыцарь — дрался методично. Без ярости, без пафоса. Просто закрывал дыры одну за другой, как человек, который латает обшивку корабля — потому что надо, потому что иначе все умрут, потому что работа.

Ему было холодно. Даже в видении — физически холодно, руки мёрзли внутри перчаток. Кейн запомнил это — не эпическую битву, не сияющий меч, а мёрзнущие руки и мысль о том, что хорошо бы горячего чаю.

— Это тоже было до? — спросил он.

— Это было между, — сказал голос.

— Между чем?

— Между до и после. Там всегда кто-то есть.

Он строил мост.

В буквальном смысле — мост между галактиками. Не метафора, не фигура речи. Физический мост, из материала, который не имел названия, который добывали из пространства между звёздами, прессовали и укладывали блоками. Каж-

дый блок — размером с планету.

Работа была нудной. Кейн — этот Кейн, строитель — вёл журнал. Сухой, технический: «Блок 4 417 891. Отклонение от оси — 0.003 градуса. Скорректировал. Блок 4 417 892...». Миллиарды записей. Миллиарды блоков.

— Зачем мост? — спросил Кейн.

— Чтобы можно было вернуться.

— Куда вернуться?

— Этот строитель не знал. Он просто строил. Потому что кто-то сказал — нужен мост. Он не спрашивал куда. Он спрашивал: какой угол, какое сечение, какая нагрузка.

— Практичный человек.

— Он напоминает вам кого-то?

Кейн подумал о Доббсе. О том, как Доббс раскладывает инструменты по размеру в стрессе. О том, как он сделал бутерброд из белкового брикета просто потому что надо же было что-то сделать.

— Немного, — сказал он.

Мелькнуло лицо.

Не та Лина, которая сейчас сидела в рубке «Чёрной звезды» и писала данные. Другая. Древняя — не по возрасту, по качеству. Покрытая татуировками, которые двигались. Глаза цвета фиолетового туманного гиганта — не фиолетовые, именно как туманность, с глубиной, которую нельзя измерить.

Она что-то говорила. Кейн не слышал слов — только ин-

тонацию. Интонацию человека, который объясняет что-то важное тому, кто уже слышал это много раз, просто каждый раз забывает.

— Помнишь? — говорила она. Слова пришли позже, как субтитры с задержкой. — Мы уже это делали. До того, как вселенная свернулась в точку. До того, как кто-то решил, что новое лучше старого.

— Я не помню, — сказал Кейн.

— Знаю. Ты никогда не помнишь с первого раза.

— Сколько раз мы это делали?

Она не ответила. Исчезла. Осталась только татуировка на запястье — спираль, уходящая в точку. Кейн смотрел на неё, пока не понял, что смотрит на свою собственную правую руку, и золотая петля на ладони немного похожа на ту спираль.

А затем Кейн услышал Голос.

Не голос из коридора. Не голос Фариона. Тот, кто спал под всеми реальностями — на чьей спине выковывались миры и рассыпались в пыль, на чьём дыхании рождались звёзды в зеркальном зале.

— Элиас Кейн.

Просто имя. Без пафоса, без эха, без торжественности. Просто — Элиас Кейн, как называет человека тот, кто его знает давно.

— Ты третий, кто коснулся Формулы напрямую. Первый создал время. Второй создал смерть. Что создашь ты?

Кейн попробовал сжать кулак. Без тела это странно — но

получилось. Что-то сжалось. Что-то, что было в этом состоянии вместо руки.

— Я не хочу ничего создавать, — сказал он.

— Все так говорят.

— Нет, серьёзно. Я капитан грузового шлюпа. Я вожу па-
току. Мне не нужны космические полномочия.

— И всё же ты нажал на спуск.

— Потому что выбора не было.

— Выбор был. Ты мог уйти. Фарион бы отпустил — он
всегда отпускает тех, кто уходит.

Кейн вспомнил, что Фарион говорил именно это. Что при-
нуждение не работает. Что Носитель по принуждению раз-
рушает.

— Тогда почему я не ушёл?

— Потому что там, на корабле, три тысячи семьсот два
экипажа. Большинство мертвы. Некоторые — нет. И ты это
знал.

— Фарион сказал «некоторые».

— Четырнадцать. Четырнадцать экипажей ещё живы. В
разных состояниях, но живы.

Кейн не ответил. Думал. В этом состоянии думалось иначе
— не последовательно, а сразу всё, и нужно было выбрать,
на чём сосредоточиться.

— Хочу, чтобы они вышли, — сказал он наконец. — Че-
тырнадцать экипажей. И моя команда. И чтобы этот зверь
под полом перестал давить на всё живое своим страхом.

— Это три просьбы.

— Тогда начнём с первой.

— Смело. И глупо. Ты просишь переписать несколько фундаментальных законов. Это стоит дорого.

— Сколько?

— Ты уже платишь. Взгляни на руку.

Кейн посмотрел вниз.

Там, где должна быть рука, сияла пустота. Не темнота — пустота, разница принципиальная. В темноте что-то есть, просто не видно. В пустоте нет ничего, и при этом она не пустая, потому что в неё вписаны правила. Математические правила, уравнения, законы — на языке, который Кейн не учил. Каждый палец состоял из теоремы. Ладонь — из формулы.

— Что это? — спросил он.

— Ты становишься носителем. Не Формулы — её больше нет в привычном смысле. Ты становишься её следом. Отпечатком. Будешь помнить всё — каждую версию реальности, которую ты видел. Каждую жизнь, которую прожил в видениях.

— Это звучит как ужасная нагрузка.

— Да.

— И я не смогу умереть.

— Смерть теперь часть тебя. Не вселенной — тебя. Ты не можешь умереть от того, чем сам являешься.

— Это я не заказывал.

— Ты не спрашивал, прежде чем нажать на спуск.

Кейн хотел что-то ответить. Нечего было. Логика безупречная, и именно это раздражало больше всего.

— Колено, — сказал он.

— Что?

— Моё колено. Оно перестанет болеть?

Молчание. Долгое.

— Нет, — сказал Голос наконец.

— Почему нет? Ты только что сказал, что я не могу умереть.

— Не умереть и не болеть — разные вещи. Колено будет болеть. Это часть того, кто ты есть.

— Это несправедливо.

— Да.

— Просто — да?

— Вселенная не обещала справедливости. Она обещала последовательность. Причина и следствие. Ты прыгнул — приземлился. Ты нажал — получил результат.

— Результат мог бы быть лучше.

— Мог. Но ты его не выбирал — ты выбирал действие.

— Это звучит как оправдание системы, которая работает против людей.

— Это звучит как описание системы, которая работает вне людей. Вы в ней — не объекты и не субъекты. Вы — переменные.

— Переменные, — повторил Кейн. — Это неприятное

СЛОВО.

— Зато точное.

— Можно поменять на что-то менее математическое?

— Можно. Вы — выборы. Каждый человек — набор выборов, которые он сделал и которые сделали его. Вы выбрали нажать. Это часть вас теперь. Как колено.

— Колено я не выбирал.

— Вы выбирали всё, что привело к нему. Каждый прыжок без медосмотра. Каждую посадку без амортизации. Каждый раз, когда говорили «потом» о техобслуживании собственного тела.

Кейн открыл рот. Закрыл.

— Вы правы, — сказал он наконец. — Это раздражает.

— Правда часто раздражает. Это один из признаков того, что она правда.

Свет схлопнулся.

Не медленно — сразу. Как выключают свет в комнате: только что было, и вот уже нет.

Кейн открыл глаза.

Стоял на коленях в зеркальном зале. Холодный пол под руками — гладкий, реальный. Больное колено немедленно высказало всё, что думало о холодных полах и коленопреклонённых позах. Кейн поднялся. Медленно. Оперся о стол — стол рассыпался прахом, едва он его коснулся. Пришлось вставать без опоры.

Чайник исчез. Стол — прах. Кресло императора пусто.

На спинке — кольцо Рубинового Трона. На тарелке — три печенья. Он взял одно. Машинально. Съел.

Рядом стоял Фарион. Живой, целый, но другой — прозрачный, как отражение в стекле, в которое падает свет под острым углом. Виден, но не плотный.

— Ты сделал это, — сказал он.

— Я даже не понял, что именно.

— Вселенная растеряна. — Фарион смотрел на него с чем-то вроде удовлетворения. — Впервые за семнадцать миллиардов лет она не знает, что будет дальше.

— Это хорошо или плохо?

— Это честно. Определённость была ложью. Всё было написано заранее — каждая война, каждая смерть, каждый выбор. Теперь — нет.

— А ты?

— Я свободен. — Фарион улыбнулся. Не грустно, не торжественно — просто. Как человек, который долго ждал автобус и наконец сел. — Ты меня убил. Спасибо.

— Я не убивал. Я нажал на цилиндр.

— Это и есть убить. В данном контексте.

Он исчезал — не резко, а постепенно. Как туман, когда поднимается ветер. Кейн повернулся к нему и думал, что надо было задать ещё какой-то вопрос, но не мог вспомнить какой.

— Кольцо, — сказал Фарион, уже почти прозрачный. — Возьми. Открывает Врата Гекаты где угодно.

— Ещё три тысячи семьсот два корабля, — сказал Кейн.

— Четырнадцать живых экипажей.

— Они уйдут. Я договорился. Просто для этого нужно было, чтобы ты это сделал.

— Заранее договорился?

— Я сидел здесь тридцать лет. Времени было достаточно.

Фарион растворился. Стены зала треснули — тихо, без грохота, как трескается лёд весной. Галактики под полом ускорились, начали сходиться с орбит. Кейн взял кольцо со спинки кресла. Тяжёлое, тёплое. Надел на безымянный палец — не потому что так положено, просто куда-то надо было деть.

На правой ладони золотая петля пульсировала. Медленно. Чуждо. Как что-то живое, что только что въехало и ещё не разобрало вещи.

Кейн постоял в пустом зале. Прислушался к себе — как прислушиваются после удара, чтобы понять, что именно болит и насколько серьёзно.

Болело колено. Это было привычно.

Всё остальное было новым. Внутри что-то изменилось — не резко, не болезненно, а как меняется комната, когда в ней появляется чужая вещь. Ещё не обжилась, не стала частью интерьера, но уже здесь. Кейн прощупал это изменение осторожно, как языком трогают больной зуб. Не болит. Просто — есть.

— Ты меня слышишь? — спросил он тихо. Не вслух —

просто внутри.

Что-то в ответ шевельнулось. Не слово, не образ — просто ощущение присутствия. Вроде как кто-то кивнул в темноте.

— Хорошо, — сказал Кейн. — Живём вместе. Правила простые: я капитан, ты пассажир. Не мешаешь управлять кораблём — я не мешаю тебе делать то, что ты там делаешь. Договорились?

Ещё одно тихое шевеление. Кейн решил считать это согласием.

Переговорник на куртке — он всё ещё был, куртка никуда не делась — ожил.

— Капитан! — голос Лины. — Двадцать минут как вы вошли. Доббс хотел идти следом — я его держала.

— Я держался нормально! — это уже Доббс, в фоне. — Просто один раз проверил замок на рукаве!

— Монтировкой!

— Я хотел убедиться в надёжности конструкции!

Пока шёл по стыковочному рукаву назад, он поймал себя на том, что напевает — мотив с накопителя, быстрый, с хриплым надрывом. Подходил к настроению.

— Слава чему угодно, — сказал Доббс. — Я уже придумывал, как объяснять Лине, что я всё-таки пошёл туда.

— Я бы тебя не пустила.

— Я знаю. Поэтому и придумывал объяснение заранее.

Кейн пошёл к выходу из зала. Стены продолжали трескаться — мирно, без агрессии, просто распадались, потому

что больше не нужны были. Галактики под полом гасли одна за другой. Кейн старался не смотреть. Что-то в этом было похожее на смерть, а за чужой смертью неловко наблюдать.

— Доббс, — сказал он в переговорник.

— Да, капитан?

— Ты сделал ужин?

— Я... нет. Я двадцать минут держал Лину от того, чтобы она не пошла за вами. По её часам — двадцать. По моим — намного больше.

— Это тоже работа. Ужин — потом.

— Как только вернётесь — сразу займусь.

— Хорошо.

— Капитан.

— Что?

— У вас голос странный.

— Шесть часов не разговаривал.

— У вас двадцать минут. У меня — больше.

Голос не торопился с ответом.

— Намного больше, — согласился Кейн. — Время там не работает как у нас.

— Ясно, — сказал Доббс. — Тогда ужин точно нужен.

Шлюз. Рукав. «Чёрная звезда».

Кейн вошёл в рубку и первым делом сел — не в капитанское кресло, просто на ближайшее, потому что ноги решили, что с них хватит. Колено. Разумеется, колено.

Лина смотрела на него. Долго. Потом на правую руку.

— Что это? — спросила она. Тихо, без паники — просто констатация.

— Золотая петля. Я теперь Носитель.

— Носитель чего? Формулы нет.

— Её следа. Отпечатка. — Кейн поднял руку, посмотрел на ладонь. Петля пульсировала. — Это долго объяснять.

— У нас есть время?

— Сейчас — да. Зеркальный корабль распадается. Нас отпустили.

Доббс стоял у переборки. Смотрел на руку Кейна с выражением механика, который видит незнакомую деталь и пытается понять, как она работает.

— Больно? — спросил он.

— Нет.

— Оно съедобное?

Лина посмотрела на него.

— Доббс.

— Я серьёзно. Просто хочу понять масштаб явления.

— Оно не съедобное, — сказал Кейн. — Это часть меня теперь. Живёт в ладони. Очень старое. Очень молчаливое.

— Как квартирант, — сказал Доббс.

— Примерно.

— Квартирант платит?

— Доббс.

— Молчу.

Лина принесла кружку — горячий чай, без сахара, из её

личных запасов. Поставила перед Кейном. Не сказала ничего. Кейн взял кружку, выпил половину сразу. Обжётся. Не важно.

— Доббс, прыжок к Вратам Гекаты, — сказал он. — Не к тем, что мы искали. К тем, которые откроются сами.

— Сами?

— Кольцо. — Кейн поднял правую руку — на безымянном пальце тёмное кольцо с красным камнем. — Вот этим откроем.

— Это кольцо Рубинового Трона, — сказала Лина.

— Да.

— Оно было у Фариона.

— Он отдал.

— Просто отдал?

— Он сказал спасибо и отдал.

Лина смотрела на кольцо. Потом на Кейна. Потом снова на кольцо.

— Капитан, — сказала она. — Вам нужно поесть. Сначала.

— Сначала прыжок.

— Сначала еда. Что бы там у вас ни было по часам — поели только печенье.

— Откуда ты знаешь про печенье?

— Крошки на куртке.

Кейн посмотрел вниз. Действительно — крошки. Три печенья, и крошки остались.

— Ужин, — сказал Доббс немедленно и пошёл на камбуз с видом человека, у которого наконец появилось задание.

Доббс возился на камбузе — Кейн слышал характерные звуки: что-то открывалось, что-то переставлялось, кто-то с кем-то разговаривал вполголоса. Кейн прислушался. Доббс разговаривал с плитой. Объяснял ей, что нижняя горелка должна работать, потому что у него серьёзные планы, и если плита не поможет, он лично займётся её перепрошивкой.

— Плита не поможет, — сказала Лина, не оборачиваясь.
— Он уже десять минут с ней разговаривает.

— Помогает? — спросил Кейн.

— Левый конфорок включился.

— Значит, помогает.

Лина посмотрела на него — коротко, в профиль.

— Вы в порядке? По-настоящему.

— По-настоящему — не знаю. Функционально — да.

— Это честный ответ.

Из камбуза:

— Лина! Ты любишь острое?

— Нет.

— Совсем?

— Совсем.

— Я нашёл специи. Хотел добавить для вкуса.

— Доббс, я не люблю острое.

— Тогда добавлю совсем немного. Ты не почувствуешь.

— Если добавишь — ем паёк.

Молчание из камбуза.

— Не добавляю, — сказал Доббс.

«Чёрная звезда» начала отходить от зеркального корабля — тот уже почти растворился, чешуйки осыпались в пустоту по одной, и каждая исчезала раньше, чем касалась ничего. Вокруг по-прежнему не было звёзд. Но на краю восприятия — там, куда не смотришь, а просто чувствуешь краем зрения — что-то менялось. Загорались точки. Маленькие, неуверенные пока, но настоящие.

Кейн допил чай. Кружка была горячей — Лина наливала незадолго до его возвращения, рассчитала точно. Он подумал, что это мелкая деталь. Потом подумал, что мелких деталей не бывает. Потом услышал из камбуза грохот — что-то упало — и голос Доббса:

— Всё нормально! Это была лишняя кастрюля!

— У нас нет лишних кастрюль, — сказала Лина.

— Теперь одной меньше.

Кейн поставил кружку. Посмотрел на правую ладонь. Золотая петля пульсировала — тихо, терпеливо. Новый член экипажа. Очень старый. Совсем не понимает, что такое лишние кастрюли.

Глава 5. Шрам на карте

Прыжок к Вратам Гекаты занял восемнадцать секунд.

Кейн их просидел в кресле с недоеденным ужином на колене — Доббс успел сделать что-то из остатков пайка и специй, получилось терпимо, почти вкусно, но прыжок начался раньше, чем Кейн доел. Тарелка поехала. Он поймал её. Ужин не поймал — часть упала на пол рубки.

— Я уберу, — сказал Доббс.

— Ты готовил.

— Я и уберу. Это справедливо.

— Несправедливо то, что мы прыгнули раньше, чем я поел.

— Армада Тэррконен не спрашивала вашего расписания приёмов пищи.

Кейн посмотрел на него. Доббс смотрел на карту с видом человека, который не виноват.

На полу рубки лежала половина ужина. Кейн смотрел на неё секунду, потом решил, что сначала — система, потом — уборка. Приоритеты.

Кольцо Рубинового Трона на безымянном пальце слегка потеплело — как бывает с металлом, когда долго носишь. Или как бывает с артефактом древнего императора, когда он реагирует на что-то знакомое в пространстве вокруг. Кейн не мог сказать, которое из двух.

— Кольцо что-то делает? — спросила Лина.

— Греется.

— Это хорошо?

— Не знаю. Пока терпимо.

— Если начнёт жечь — скажите.

— Скажу.

— Или снимите.

— Куда его снять — на пульт положить?

— Хотя бы.

Кейн посмотрел на кольцо. Потом решил оставить на пальце — снимать было неуважительно. Фарион отдал его не для того, чтобы оно валялось у пульта рядом с пятнами от «Вэла».

Доббс вернулся из технического колодца — он туда нырнул сразу после прыжка проверить насосы, теперь вынырнул с новой ссадиной на костяшках.

— Насос? — спросил Кейн.

— Труба. Та самая. Она упала окончательно, я её поднял, она мне по руке.

— Ты её починил?

— Я её выкинул, — сказал Доббс с достоинством. — Некоторые проблемы решаются радикально.

— Теперь будет течь из стены.

— Буду замазывать. Это честнее, чем бесконечно чинить одно и то же.

Лина не отрывалась от карты, но уголок рта у неё дёрнул-

ся.

«Чёрная звезда» вывалилась в реальность. Ровно. Без завала, без сирен. Что-то пошло правильно — редкость.

Кейн считал по ударам сердца — петля на ладони синхронизировала его ритм с чем-то внешним, большим. Восемнадцать ударов. Восемнадцать секунд. Он ещё не привык к этому — к тому, что внутри него теперь живёт кто-то, кто слышит вселенную как метроном.

— Система без звезды, — сказала Лина.

Кейн поднял голову.

За иллюминатором — пустота. Не та пустота, что была в безвременье — там была принципиальная пустота, вырезанная из реальности. Здесь другое. Здесь было что-то, чего не стало. Разница как между пустой комнатой и комнатой, из которой вынесли мебель.

— Пыли нет, — сказала Лина. — Обломков нет. Ничего нет. По базе данных — здесь была система. Жёлтый карлик, семь планет, атмосфера на третьей.

— Когда?

— Двести лет назад последняя запись. Потом — ничего. Точнее, запись есть, но она пустая. Просто координаты и слово «перепето».

— Перепето, — повторил Кейн.

— Это термин из старых архивов Ордена Тишины. Я нашла расшифровку однажды — Жнецы, когда съедают систему, оставляют такой маркер.

Доббс вылез из-под пульта — он там что-то подтягивал с момента прыжка, просто потому что руки должны быть заняты.

— Жнецы съели целую систему, — сказал он.

— Перепели, — поправила Лина.

— В чём разница?

— Съесть — значит уничтожить. Перепеть — значит превратить в музыку. Материя не исчезает. Она меняет форму.

— Планета стала песней.

— Семь планет. И звезда.

Доббс помолчал.

— Это лучше или хуже, чем просто умереть?

— Не знаю, — сказала Лина. — Зависит от того, что думает планета.

— Планеты не думают.

— Откуда ты знаешь.

Это был не вопрос. Доббс решил не отвечать.

— Переключи на ультрафиолет, — сказал Кейн.

Лина переключила. И замерла.

Кружка с чаем у неё в руке начала медленно наклоняться — она не заметила, потому что смотрела на экран. Кейн заметил.

— Лина, кружка.

Поздно. Чай плеснул на край пульта, потёк по голографической карте, добавив к уже существующему пятну от «Вэла» новый слой географии.

— Хрень, — сказала Лина тихо. Она редко ругалась. Когда ругалась — значит, увидела что-то.

— Что там?

— Смотрите сами.

Кейн подошёл к пульта. На экране ультрафиолетового сканера — светящиеся нити. Миллиарды. Каждая вибрировала на своей частоте. Вместе они складывались во что-то, что не было мелодией — мелодия это когда есть начало и конец и что-то между ними. Это было другим. Это было всем сразу.

От нитей у него заныли зубы. Не от звука — нити не издавали ничего в слышимом диапазоне. Просто зубы заныли. Кейн потрогал челюсть.

— Частота смерти, — сказала Лина. — Жнецы оставляют такой след.

— Они здесь?

— Нет. Всё давно. Песня осталась, певцы ушли.

Доббс смотрел на экран.

— Красиво, — сказал он.

— Ты уже второй раз говоришь «красиво» про что-то жуткое, — заметила Лина.

— Жуткое и красивое не противоречат друг другу. — Он качнул головой. — Я в детстве видел пожар на складе. Жуткий был пожар. Четыре часа горел. Красивый был пожар.

— Доббс.

— Что? Я его не поджигал.

— Я не об этом.

— Я знаю. Просто объясняю логику.

На экране нити вздрогнули. Не все — только в центре экрана. Одна группа, плотнее остальных. Начала складываться.

— Капитан, — тихо сказал Лина. — Смотрите.

Фигура собиралась из нитей медленно — не резко, как изображение на экране, а как собирается туман в форму, когда есть ветер и есть желание.

Женщина. Или что-то, решившее выглядеть как женщина — потому что так проще разговаривать. Глаза без зрачков, фиолетовый свет. Волосы — отдельные нити, каждая звучала.

Кейн повернулся к ней и думал, что надо бы встать ровно и выглядеть спокойно. Потом вспомнил, что у него на ладони живёт кусок вечности, и решил, что ровная осанка здесь не главное.

— Капитан Кейн. — Голос шёл не из динамиков — просто появился в воздухе рубки. — Я — Мнемозина. Память этой системы. Жнецы создали меня хранить то, что съели. Я — архив.

— Архив чего именно?

— Всего. Семи планет. Одной звезды. Двенадцати миллиардов существ, которые жили на третьей планете. Их имён. Их лиц. Их последних мыслей.

Кейн не знал, что сказать на это. Доббс тоже молчал — он

стоял у переборки и смотрел на Мнемозину с тем выражением, с каким смотрят на что-то, для чего нет подходящей реакции.

— Они умерли? — спросила Лина.

— Они стали музыкой. Я уже говорила — это другое.

— Но они не живые.

— В обычном смысле — нет. В другом смысле — я их помню. Пока я есть — они есть.

— А когда вас не станет?

Мнемозина посмотрела на Лину. Долго.

— Именно поэтому я разговариваю с вами.

— Вы голодны, — сказал Кейн.

— Жнецы ушли двести лет назад. Я питалась остатками.

Остатки закончились.

— Чем вы питаетесь?

— Памятью. Воспоминаниями. Живыми воспоминаниями — не записями, не данными. Теми, что хранит живое существо внутри себя.

Доббс медленно отступил на шаг назад. Лина это заметила.

— Не бойся, — сказала Мнемозина, не глядя на него. — Мне не нужны ваши воспоминания. Вы слишком малы. Не в обиду — просто по объёму. Я бы объелась и умерла.

— Это... обнадеживающе, — сказал Доббс.

— Мне нужно другое. — Мнемозина посмотрела на Кейна. — В вас есть что-то старое. Древнее. Оно пришло недав-

но, но оно очень большое.

— Вы его чувствуете?

— Я архив. Я чувствую всё, что хранит память. То, что внутри вас — оно хранит столько, что мне хватит на долго.

Кейн посмотрел на правую ладонь. Петля пульсировала ровно.

— Что вы хотите?

— Один крик. Самый первый. Того, кто теперь внутри вас. Когда он понял, что одинок. Это маленькое воспоминание по размеру. Но очень плотное.

— А взамен?

— Ключ. К следующему.

— К следующему чему?

Мнемозина чуть улыбнулась. В улыбке было столько всего сразу, что Кейн решил не разбирать подробно.

— Вселенная — только веранда. Есть дом.

Лина встала из кресла. Подошла к Кейну, встала рядом — не демонстративно, просто рядом.

— Капитан, — сказала она тихо, не для Мнемозины. — Это живая рана. Если она получит то, что просит — станет сильнее. Мы не знаем, что она делает с этой силой.

— Она хранитель, — сказал Кейн.

— Она голодный хранитель. Это разные вещи.

— Верно. — Кейн думал. — С другой стороны — если не дадим, она умрёт. И двенадцать миллионов существ с третьей планеты умрут вместе с ней по-настоящему. Навсегда.

Лина не ответила. Это тоже был ответ.

— Я за, — сказал Доббс от переборки.

Оба посмотрели на него.

— Ну а что. — Он пожал плечами. — Двенадцать миллионов. Нас трое. Математика несложная.

— Доббс, это не математика, — сказала Лина.

— Всё математика. Просто разные системы счисления.

Кейн посмотрел на Мнемозину.

— Один крик. И вы нас не трогаете.

— Я никогда вас не трогала.

— И не тронете.

— И не трону. Мне нужна память, не тела.

— Хорошо.

Кейн опустил правую руку. Расслабил пальцы. Петля на ладони успокоилась — ровное тихое свечение.

— Эй, — сказал он. Не вслух. Внутри. — Ей нужен твой первый крик. Когда ты понял, что один. Когда темнота была везде и никого не было. Дай мне его. Я отдам её. Она сохранит.

Внутри что-то шевельнулось.

Не сразу. Сначала — тишина. Долгая. Потом — кто-то очень осторожно открыл ящик, который давно не открывали. Петля потеплела.

И Кейн почувствовал это.

Боль. Старая, первобытная, такого возраста, что слово «боль» к ней не очень подходит — «боль» это когда есть что-

то, что было до неё и будет после. Это было просто состояние. Темнота и одиночество и понимание того, что ты есть, а всего остального — нет. Ещё нет. Никогда не было. Может, никогда не будет.

Кейн стоял с этим несколько секунд.

— Спасибо, — сказал он тихо. Внутрь.

Петля качнулась — что-то вроде кивка.

Кейн выдохнул. Из рта вылетела золотая бабочка.

Маленькая. Совсем маленькая — меньше ногтя. Светилась отчаянно, как что-то, что не хочет исчезать, но понимает, что так надо. Полетела к экрану. Сквозь экран — через стекло, как сквозь воздух. Долетела до Мнемозины. Коснулась её лица.

Мир взорвался.

Не физически — рубка осталась рубкой, переборки остались переборками. Взорвалось что-то в восприятии. Кейн почувствовал звук каждой клеткой — не слышал, чувствовал. Низкая нота, такая низкая, что её не регистрирует ухо, только грудная клетка. Нота «до» октавы, которой нет в нотной записи, потому что такую октаву ещё не придумали называть.

Доббс схватился за переборку.

— Что это?!

— Стой, — сказала Лина. Она не держалась ни за что, просто стояла — шесть пальцев на левой руке сжались в кулак, разжались, снова сжались. — Стой и не двигайся.

— Мне грустно! — сказал Доббс. — Резко стало грустно! Это нормально?!

— Это нормально, — сказал Кейн. Ему тоже было грустно. Грустно как на похоронах человека, которого ты не знал, но понимаешь, что мир без него стал меньше.

— Почему мне грустно?!

— Потому что ты слышишь первое одиночество вселенной. Радоваться нечему.

— А долго это?

— Секунд десять, наверное.

— Хорошо. Я продержусь.

Мнемозина изменилась. Нити в её фигуре уплотнились. Глаза из фиолетово-пустых стали золотыми — тем же золотом, что петля на ладони Кейна. Она смотрела на свои руки — нити рук — с удивлением, которое не бывает наигранным.

— Я помню, — сказала она. Голос стал другим — не из воздуха, а настоящим. — Каково это — быть живой.

— Вы были живой раньше?

— Я была создана Жнецами. Они не живые в вашем смысле. Я помню их концепцию жизни — холодную, звуковую. Но теперь я помню другую. Тёплую.

Лина смотрела на неё. Потом оглянулась на Кейна — недолго, один взгляд.

— Что она хранит конкретно? — спросила Лина. — Двенадцать миллионов существ — это имена? Лица? Воспоминания?

— Всё, — сказала Мнемозина. — Последний день каждого. Последний час. Что они видели, что чувствовали, что думали, когда Жнецы начали петь.

— И они не боялись?

— Некоторые боялись. Некоторые — нет. Была одна существо — не человек, у них там была другая биология — которое в последний момент подумало: «Хорошо, что я успела увидеть закат». Просто это. Не о смерти. О закате.

Тишина в рубке.

Доббс у переборки кашлянул. Не от неловкости — просто кашлянул.

— А люди там были? — спросил он.

— Нет. Другой вид. Но похожий. У них тоже были семьи. Тоже была еда, которую они любили. Тоже были ссоры из-за мелочей и примирения после.

— То есть примерно как мы.

— Примерно.

— И их больше нет.

— Они есть. Просто в другой форме.

Доббс подумал. Потом сказал:

— Это не одно и то же.

— Нет, — согласилась Мнемозина. — Не одно и то же.

Кейн смотрел на неё и думал, что она отвечает честно. Не пытается успокоить, не пытается убедить. Просто говорит как есть. Это располагало.

— Значит, вы хотите жить, — сказал он. — Чтобы они

жили — через вас.

— Да.

— И для этого вам нужен этот крик.

— Да.

— Лина, — сказал Кейн.

— Я слышала, — сказала Лина. — Думаю.

— Вслух думай.

— Мы не знаем, что она сделает с силой. Это риск.

— Всё риск.

— Этот конкретный риск — она может стать опаснее

Жнецов.

— Может, — согласился Кейн. — А может, будет петь для двенадцати миллионов мёртвых до конца времён. Два варианта. Выбери.

Лина помолчала секунд десять. Кейн не торопил.

— Давай, — сказала она наконец.

Она щёлкнула пальцами. В центре системы — там, где раньше была звезда — открылась точка. Не червоточина. Точка перехода — в место, которое не имело координат ни в одной базе данных, потому что туда не ходили с навигационными приборами.

— Там ваша следующая остановка, — сказала Мнемозина. — Узнаете, почему Жнецы бегут. И от чего.

— Почему не скажете сейчас?

— Потому что вы не поймёте словами. Это нужно видеть.

— А вы? — спросила Лина.

Мнемозина посмотрела на неё.

— Останусь здесь. Буду петь для тех, кого помню. Кто-то должен.

— Одна?

— Двенадцать миллионов существ с третьей планеты — не одна.

Точка перехода ждала. «Чёрная звезда» медленно разворачивалась к ней.

Лина вернулась к пульту. Вытерла пролитый чай рукавом — уже давно засохший, просто привычка. Подняла кружку, посмотрела внутрь — пустая.

— Доббс, — сказала она.

— Да?

— Ты в порядке?

— В основном. Грустно немного осталось. — Он потёр грудь. — Вот здесь. Как заноза.

— Пройдёт.

— Знаю. — Он помолчал. — Лина.

— Что?

— Когда-нибудь ты мне расскажешь, каково это — чувствовать пространство шестым пальцем?

Лина посмотрела на него.

— Ты серьёзно спрашиваешь?

— Серьёзно. Мне правда интересно. Не как повод поговорить — именно интересно.

— Это как... — Она подумала. — Это как слышать музыку

в стене. Знаешь, что там что-то есть, но понять не можешь — только чувствуешь вибрацию.

— Всегда?

— Всегда. Иногда громче, иногда тише.

— И не надоедает?

— Уже привыкла.

Доббс кивнул. Подумал.

— Это, наверное, неудобно на свиданиях, — сказал он.

Лина посмотрела на него с тем выражением, которое означало «ты всё испортил».

— Серьёзный разговор был, — сказала она.

— Был. Я поддержал. Потом немного испортил. Это баланс.

Кейн слушал их и думал, что надо было ещё в начале рейса сказать Лине, что она лучший пилот, с которым он летал. Не сказал тогда. Не скажет сейчас — не время. Но подумал.

— Курс к точке перехода, — сказал он. — Идём.

— Капитан, — сказала Лина.

— Да?

— Вы всё ещё не доели.

Кейн посмотрел на тарелку, которую поймал перед прыжком. Она стояла у кресла. Половина ужина на полу, половина в тарелке — холодная теперь, совсем.

— Доббс, — сказал он.

— Подогрею, — сказал Доббс, уже вставая.

Доббс взял тарелку. Понёс на камбуз. По дороге сказал

Лине:

— Ты хорошо держалась. Там. Когда всё это было.

— Это моя работа, — сказала Лина.

— Не всё. Когда ты ей про мёртвых спрашивала — это не работа. Это ты.

Лина посмотрела ему в спину.

— Доббс.

— Да?

— Иди подогрей.

— Уже иду. — Он остановился у двери. — Но я серьёзно говорю. Ты хорошо держалась.

— Спасибо.

— Всегда пожалуйста. И, если что, за ужином — я сделал немного больше, чем нужно на двоих. На случай если захочешь добавки.

Лина взяла новую кружку. Налила чай. Посмотрела на след от старого — засохшее пятно на пульте, два слоя теперь, «Вэл» и чай.

— Доббс, — позвала она.

— Что?

— Ты специально делаешь больше?

— Технически — у меня плохо получается делать ровно на двоих. Всегда выходит на троих.

— Технически.

— Это объективная проблема с пропорциями. Никакого умысла.

— Конечно.

— Совсем никакого.

— Конечно, Доббс.

Из камбуза — звук плиты. Потом запах. Что-то тёплое, чуть острое — Доббс всё-таки добавил специй, но немного, ровно столько, чтобы не получить ультиматум про паёк.

«Чёрная звезда» двинулась вперёд. Нити в ультрафиолетовом диапазоне медленно гасли за кормой — Мнемозина начинала петь. Не слышно. Просто нити менялись, становились ровнее. Спокойнее. Двенадцать миллионов существ с третьей планеты никуда не делись.

Кейн включил накопитель — тихо, фоном. Зазвучало что-то с острым гитарным вступлением. Доббс из камбуза крикнул: «Что это?» — «Музыка», — ответил Кейн. «А о чём?» — «Не знаю». Доббс немного помолчал. «Звучит как про что-то важное». «Все песни про что-то важное», — сказал Кейн.

— Капитан, — сказала Лина.

— Да?

— Точка перехода. Через двадцать минут.

— Хорошо.

— Вы знаете, куда именно она ведёт?

— Нет.

— И всё равно идём.

— Мнемозина сказала — нужно видеть. Значит, увидим.

Лина смотрела на точку перехода на экране. Маленькая,

тихая, без координат.

— Знаете, что меня в ней беспокоит больше всего? — сказала она.

— Что?

— Что она не похожа на угрозу. Просто дыра куда-то. Угрозы выглядят иначе.

— Это и есть угроза?

— Нет. Это и есть то, что хуже угрозы. Незнание без предупреждения.

— Философски, — сказал Доббс из камбуза. Он мыл посуду — слышно было, как вода течёт. — Лина, ты когда-нибудь просто молчишь перед прыжком в неизвестность?

— Нет.

— Почему?

— Потому что если молчать — начинаешь думать.

— Это плохо?

— Перед неизвестностью — да.

Доббс помолчал. Потом:

— Логично. — Звук воды. — Тогда давай я тебе расскажу про тот раз на Арки-Прайм, когда я случайно покрасил половину грузового отсека в розовый.

— Ты это рассказывал.

— Не всю версию.

— Там есть ещё версия?

— Там есть продолжение. Оно хуже начала.

Лина посмотрела на Кейна. Кейн потёр лицо.

— Валяй, — сказала Лина.

Доббс начал рассказывать. Кейн слушал вполуха, а правой ладонью трогал петлю — впервые без отвращения. Просто проверял что она ещё там. Она была.

Глава 6. Те, кто поёт на границе

Точка перехода оказалась некомфортной.

Не опасной — просто некомфортной. Как прыжок через червоточину, только без привычного хаоса приборов. Вместо хаоса — тишина. Все приборы разом замолчали на четыре секунды. Потом включились обратно и сделали вид, что ничего не было.

— Что это было? — спросил Доббс.

— Переход, — сказала Лина.

— Я понял, что переход. Я спрашиваю — что конкретно произошло с приборами.

— Они замолчали.

— На четыре секунды.

— Да.

— И сейчас в норме?

— Сейчас в норме.

— Хорошо. — Доббс помолчал. — Просто хотел убедиться, что это видел не только я.

«Чёрная звезда» вышла в пространство, которое не имело обозначения ни в одной навигационной системе. Кейн смотрел в иллюминатор и пытался понять, что здесь не так. Не сразу сообразил — потом понял. Звёзды. Они были, но расположены иначе. Не иначе чем в предыдущей системе — иначе вообще. Кто-то взял знакомую карту и повернул на

несколько градусов. Похоже, но не то.

— Координаты? — спросил он.

— Нет координат, — сказала Лина. — Система не опознаётся. Мы либо очень далеко от известных секторов, либо.

— Либо что?

— Либо немного сдвинулись не в пространстве, а в чём-то ещё. — Она не договорила, потому что договаривать было нечего. Данных не было.

Кейн потрогал кольцо на пальце. Тёплое. Ровное.

— Курс куда? — спросила Лина.

— Петля тянет, — сказал Кейн. — Вперёд и чуть левее.

— «Чуть левее» — это не навигационный термин.

— Я знаю. Но точнее не скажу.

Лина смотрела на него секунду. Потом:

— Хорошо. Чуть левее.

Они шли тридцать минут. Доббс за это время починил шербатую кружку — склеил эпоксидкой, шов вышел кривой, но держится. Поставил сушиться на камбузе. Лина выпила два чая и написала подробный технический отчёт о точке перехода для архива — на случай если кто-то когда-то будет искать, как сюда попасть снова. Кейн сидел в кресле и думал о четырнадцати живых экипажах на зеркальном корабле, которых обещал отпустить Фарион. Надеялся, что Фарион не соврал. Фарион не производил впечатления человека, который врёт. Но тридцать лет ожидания в месте вне времени делают с людьми разные вещи.

— Капитан, — сказала Лина.

Кейн поднял голову.

Впереди — шар. Большой. Очень большой. Кейн сначала принял его за планету — потом понял, что неправильно оценил расстояние. Шар был ближе и меньше — Кейн неправильно оценил расстояние. Размером с небольшую луну, не с планету. Поверхность золотистая, с тихим пульсом — едва заметным, как дыхание кого-то, кто спит очень крепко.

— Жнец, — сказал он.

— Живой? — спросил Доббс.

— Еле-еле, — сказала Лина. Биосканер у неё уже работал. — Энергия на минимуме. Структурная целостность держится, но еле. По меркам этих существ.

— Агонизирует?

— Не знаю, как они переживают агонию. Но что-то похожее.

Доббс встал из-за пульта. Подошёл к иллюминатору. Смотрел на шар.

— Он нас не атакует.

— Нет.

— Не реагирует вообще.

Пока ждали реакции Жнеца, Кейн напевал — тихо, себе под нос. Тот мотив с накопителя, протяжный. Доббс прислушался. «Это с накопителя?» — «Да». — «Мне нравится. Грустное». — «Не грустное. Честное». Доббс кивнул и вернулся к биосканеру.

— Реагирует. — Лина показала на биосканер. — Смотри. Вот здесь — слабый импульс, когда мы подошли ближе. Он нас заметил. Просто сил нет делать что-то с этим знанием.

Кейн встал. Прошёлся — три шага, развернулся. Больное колено. Как всегда.

— Доббс, — сказал он. — Сколько у нас патоки?

— В четырнадцать тонн. Три потеряли на планете-кости при вторжении отца.

— Сколько можем выделить без нарушения контракта с Тэллой?

— Технически — до двух тонн вписываются в допуск на утруску и утруску при дальних рейсах.

— А нетехнически?

— Нетехнически — мы уже столько всего нарушили в этом рейсе, что два-три тонны патоки вряд ли станут решающим фактором.

— Три тонны. Найди ёмкость.

Доббс не двигался с места.

— Капитан. Вы хотите накормить умирающего Жнеца нашей патокой.

— Да.

— Той патокой, за которой гнался флот Тэррконен.

— Той самой.

— И которую мы везём заказчику на Тэllu.

— Три тонны из восемнадцати. Остальное довезём.

Доббс смотрел на него.

— Почему?

— Потому что Мнемозина сказала — нужно видеть. А он нас сюда привёл. Петля привела к нему. Значит, он часть того, что нужно видеть.

— Это логика?

— Это интуиция.

— Вы раньше не верили в интуицию.

— Раньше у меня на ладони не жил кусок вечности. — Кейн поднял правую руку. Петля пульсировала. — Теперь верю.

Доббс смотрел на петлю. Потом на Кейна. Потом вздохнул.

— Иду за ёмкостью.

Полчаса Доббс монтировал подачу через малый шлюз. Лина рассчитывала траекторию — подойти достаточно близко, чтобы патока достигла поверхности, но достаточно далеко, чтобы гравитационные поля не начали жевать корпус. Кейн сидел и смотрел на шар.

Жнец не двигался. Просто висел и пульсировал — едва.

— Лина, — сказал Кейн.

— Да?

— Ты не против? Три тонны патоки — это деньги.

Лина молчала секунду.

— Я против, — сказала она. — Но вы правы. Поэтому я считаю траекторию.

— Можно было сказать просто «да».

— Тогда это было бы неправдой. — Она не отрывалась от расчётов. — Мне не нравится тратить груз. Мне не нравится, что мы делаем это без согласования с заказчиком. Мне не нравится, что я не понимаю, что нас сюда привело и зачем.

— Понятно.

— Но я всё равно считаю траекторию. Это отдельный вопрос от того, нравится мне это или нет.

Кейн кивнул. Это было честно. Лина всегда была честной — даже когда честность была неудобной.

— Доббс, — позвала Лина через переговорник. — Как у тебя?

— Почти готово. Труба подачи немного коротковата, пришлось импровизировать.

— Чем импровизировал?

— Шлангом от запасного охладителя.

— Доббс, этот шланг нужен для—

— Знаю. Потом поставлю обратно. Надо же как-то.

Лина посмотрела на Кейна. Кейн потёр лицо.

— Он справится, — сказал он.

— Он всегда справляется. Это не вопрос.

— Тогда что вопрос?

— Откуда он берёт запасные части, которых официально нет в нашем инвентаре.

Из трюма донёсся звук — что-то упало, покатилося, Доббс сказал что-то неразборчивое.

— Живой! — крикнул он через секунду.

— Мы не спрашивали! — крикнула Лина в ответ.

— На всякий случай!

Кейн повернулся к шар снаружи. Жнец не двигался. Ждал или просто не мог — непонятно. Петля на ладони была тихой, спокойной. Не тянула, не предупреждала. Просто присутствовала.

— Капитан, — сказала Лина.

— Да?

— Вы уверены, что он примет патоку?

— Нет.

— Тогда зачем?

— Потому что не попробовать — хуже чем попробовать и ошибиться.

Лина молчала секунду.

— Это не логика, — сказала она.

— Это опыт. Двенадцать лет в открытом космосе. — Кейн посмотрел на неё. — Ты когда-нибудь жалела, что попробовала?

— Иногда.

— Сильнее, чем жалела бы, если бы не попробовала?

Лина подумала.

— Нет, — сказала она. — Не сильнее.

— Вот.

Из трюма снова донёсся звук — на этот раз звон металла об металл, потом голос Доббса:

— Лина! Ты знаешь, где запасной хомут на двадцать во-

семь?

— В красном ящике, левая секция, третья полка.

Молчание.

— Нашёл! — крикнул Доббс. — Ты потрясающая, ты знаешь?

— Я знаю, где хомуты, — сказала Лина.

— Это тоже потрясающе!

— Доббс, работай.

— Работаю! Не мешает одновременно восхищаться!

Кейн спрятал улыбку. Не успел достаточно быстро — Лина заметила.

— Не смотрите так, — сказала она.

— Я ничего не говорю.

— Вы улыбаетесь.

— Я просто доволен экипажем, — сказал Кейн.

— Это другое.

— Возможно.

Из трюма донёсся звук — что-то упало, покатилося, Доббс сказал что-то неразборчивое.

— Живой! — крикнул он через секунду.

— Мы не спрашивали! — крикнула Лина в ответ.

— На всякий случай!

Три тонны храмовой патоки полетели в пустоту.

Красиво — Кейн отметил это машинально, не как поэт, а как человек, который привык замечать то, что видит. Медленные вращающиеся капли, каждая размером с кулак. В

ультрафиолетовом диапазоне они светились — каждая несла в себе чьи-то воспоминания, несколько граммов чьей-то жизни, законсервированной в сладкой густой жидкости с запахом, который Кейн знал с детства и никогда не мог объяснить.

Капли достигли поверхности шара.

Жнец принял их молча. Поверхность в месте касания потемнела — не от повреждения, от поглощения. Как ткань темнеет от воды. Потом распространилось по всему шару — медленная волна.

— Реакция есть? — спросил Кейн.

— Есть, — сказала Лина. — Энергетический показатель растёт. Медленно, но стабильно. Структура укрепляется.

— Он принимает?

— Принимает.

Доббс вылез из трюма. Встал у иллюминатора. Смотрел на шар — молча, без комментариев. Кейн покосился на него. Доббс молчал так, что Кейн даже немного беспокоился.

— Доббс.

— Да?

— Всё нормально?

— Да. Просто думаю.

— О чём?

— О патоке. — Доббс не отрывался от иллюминатора. — Мы везём её уже несколько рейсов. Я всегда думал — ну патока, ну храмовая, кто-то там за неё хорошо платит. Не

задумывался особо. А теперь смотрю, как она это существо — буквально поднимает. Прямо на глазах. И думаю: она что, всегда так работала? Просто мы не знали?

— Наверное, всегда, — сказал Кейн.

— И мы возили её как обычный груз.

— Мы и сейчас возим как обычный груз.

— Нет. Сейчас мы кормим её умирающее космическое существо. Это другое.

— Немного другое, — согласился Кейн.

Отверстия на поверхности шара — их было много, разного размера — смолкли разом. Все до одного. Кейн это почувствовал раньше, чем услышал — петля на ладони качнулась — что-то переключилось.

Потом они запели.

Не тысячеголосым хором — одной нотой. Долгой, чистой, без вибрато. Нота держалась несколько секунд. Потом тихо сошла на нет.

— Что это было? — спросил Доббс.

— Думаю, спасибо, — сказал Кейн.

— Жнецы говорят спасибо?

— Они поют, — сказала Лина. — Это их язык. Что ещё это могло быть?

Доббс подумал.

— Принято, — сказал он в сторону иллюминатора. Тихо, но внятно. — Пожалуйста.

Лина посмотрела на него с тем выражением, которое

невозможно правильно назвать одним словом. Что-то среднее между «ты странный» и «это хорошо».

Шар пульсировал ровнее теперь. Энергетический показатель на биосканере Лины стабилизировался — не полный, но достаточный. Жнец выжил. По крайней мере сейчас.

Голос пришёл не через динамики — прямо в воздух рубки, как делала Мнемозина. Только другой. Не чистый и не глубокий — скрипучий, неровный, как у кого-то, кто очень долго не разговаривал и заново учится.

— Носитель.

Кейн выпрямился.

— Я здесь.

— Ты накормил.

— Да.

— Зачем?

Кейн подумал. Честный вопрос заслуживал честного ответа.

— Потому что нельзя было пройти мимо.

Молчание. Долгое. Доббс у переборки поднял большой палец в сторону Кейна — тихо, чтобы Жнец не заметил. Лина покосилась на него. Доббс убрал палец.

— Ты идёшь дальше, — сказал Жнец. Не вопрос.

— Да.

— Туда, где мы не можем петь.

— Не знаю куда именно. Петля ведёт.

— Я знаю куда. — Голос Жнеца был медленным — не от

тупости, а от того, что ему было тяжело говорить словами. Слова, наверное, не были его родным языком. — Там живёт то, от чего мы уходим. Что съело наших. Что съест всё, если найдёт выход.

— Отец? — спросил Кейн.

— Его тень. Его фрагмент. Он просыпается. По кускам.

Лина тихо потянула к себе планшет. Начала записывать.

Кейн заметил, но не остановил — правильно делает.

— Почему вы уходите? — спросил он. — Если оно просыпается — почему не бороться?

— Оно — часть нас, — сказал Жнец. — Мы не можем петь против себя. Это как петь против эха. Эхо всегда догонит.

— А я могу против него?

— Ты другой. Ты не пел никогда. В тебе нет его отпечатка.

— Есть Тень Формулы, — сказал Кейн.

— Это другое. Тень — не он. Тень — против него.

Кейн посмотрел на правую ладонь. Золотая петля пульсировала ровно.

— Ты можешь помочь? — спросил он.

— Нет. Я слишком мал. И слишком болен. — Голос Жнца стал тише. — Но я могу остаться здесь. Ждать. Если ты вернёшься — здесь будет место. И кто-то, кто знает, куда ты уходил.

— Якорь, — сказала Лина тихо.

— Да, — согласился Жнец. — Якорь.

— Договорились, — сказал Кейн.

Голос Жнеца молчал несколько секунд. Потом:

— Ты накормил меня патокой. Почему патокой?

— Это то, что у нас есть, — сказал Кейн. — Храмовая.

Из старых запасов эпохи Фариона.

— Я знаю этот вкус. — В голосе Жнеца появилось что-то новое — не слово, не эмоция, что-то, что было раньше слов и эмоций. — Очень давно. Когда мы ещё были другими.

— Вы знали Фариона?

— Мы знали то, что он создал. Патока — это память, переведённая в вещество. Мы питаемся памятью. Патока для нас как.

Голос остановился. Подбирал слово.

— Домашняя еда, — сказал Доббс.

Все посмотрели на него. Доббс стоял у переборки и смотрел на шар.

— Ну, — сказал он. — Есть еда, которую ешь потому что надо. А есть та, которую ешь — и вспоминаешь что-то хорошее. Вот это.

Молчание.

— Да, — сказал Жнец наконец. — Примерно это.

Доббс кивнул. Буднично, как человек, которого это устраивает.

— Лина, — сказал он тихо.

— Что?

— Ты слышала? Я объяснил Жнецу концепцию домашней

еды.

— Слышала.

— Это войдёт в историю когда-нибудь.

— Не преувеличивай.

— Немного можно?

— Немного.

Лина свернула планшет. Посмотрела на свои записи. Потом на Кейна.

— Я всё записала.

— Хорошо.

— Про Отца. Про фрагменты. Про то, что Жнецы не могут бороться. — Она положила планшет на пульт. — Это важно.

— Очень важно.

— И это значит, что всё серьезнее, чем я думала.

— Чем кто-либо думал.

Из камбуза запахло чем-то горячим. Доббс туда тихо ушёл минут пять назад — Кейн слышал, как он там возится.

— Доббс, — позвала Лина.

— Ставлю чай, — отозвался он.

— Мы только что выяснили, что в этой вселенной просыпается что-то, что может уничтожить всё, — сказала Лина.

— И ты ставишь чай.

— Именно поэтому, — сказал Доббс. — Когда всё плохо — горячий чай. Это не трусость, это физиология. Тёплое снижает кортизол.

— Ты это придумал сейчас.

— Я это читал. Где-то.

— Где?

— Не помню где. Но читал.

Лина посмотрела на Кейна.

— Он прав, — сказал Кейн. — Давай чай.

Доббс вышел из камбуза с тремя кружками. Две поставил на пульт — Лине и Кейну. Третью взял себе. Встал у переборки.

— Лина, — сказал он.

— Что?

— Ты сегодня хорошо держалась. Второй раз говорю, потому что первый раз ты не особо приняла.

— Я приняла.

— Ты сказала «это моя работа».

— Это и есть принять.

— Это не одно и то же.

Лина взяла кружку. Отпила.

— Хорошо, — сказала она. — Спасибо, Доббс.

— Пожалуйста.

Он стоял у переборки. Смотрел на неё. Потом добавил:

— И вообще. Ты всегда хорошо держишься. Я редко говорю, но это так.

Лина посмотрела в кружку.

— Доббс.

— Да?

— Ты сейчас флиртуешь или серьёзно?

— Оба варианта одновременно, — сказал он спокойно. —

Я уже три года не разделяю.

Лина поставила кружку.

— Честно, — сказала она.

— Стараюсь.

Кейн смотрел в иллюминатор. Жнец снаружи пульсировал ровнее — живой. Не здоровый, но живой. Золотистый свет от его поверхности падал на борт «Чёрной звезды», и корабль в этом свете выглядел немного иначе — не старым грузовиком, а чем-то, что имеет значение.

— Курс, — сказал Кейн.

— Куда? — спросила Лина.

— Петля ведёт дальше. Вглубь. Туда, откуда бегут Жнецы.

— Мы идём навстречу тому, от чего бегут Жнецы, — констатировал Доббс.

— Да.

— Хорошо, — сказал Доббс. — Я только уточнял.

«Чёрная звезда» оттолкнулась от Жнеца — медленно, аккуратно. Жнец не двигался. Просто висел и пульсировал. Якорь. Живой, тёплый, терпеливый.

Кейн допил чай. Горячий, крепкий, без сахара. Поставил кружку — не на край, подальше от края, где поедет при прыжке. Жест машинальный. Двенадцать лет в космосе.

— Капитан, — сказала Лина.

— Да?

— Мы только что покормили Жнеца, поговорили с ним про домашнюю еду и договорились, что он будет нашим якорем. — Она смотрела на него ровно. — Это нормально?

— По меркам этого рейса — да.

— По меркам любого другого рейса?

— Нет.

Лина кивнула. Приняла.

— Доббс, — сказала она.

— Да?

— Ты в порядке? Ты весь этот разговор со Жнецом молчал почти.

— Думал.

— О чём?

— О том, что мы, наверное, первые люди, которые разговаривали с Жнецом вот так. Нормально. Без паники. — Доббс поставил кружку. — И что домашняя еда — это, оказывается, универсальная концепция. Даже для существ размером с луну.

— Ты серьёзно про это думал?

— Ещё думал, что три тонны патоки — хорошее вложение. Лучше любого контракта.

Лина смотрела на него.

— Ты иногда удивляешь, — сказала она.

— Я стараюсь, — сказал Доббс.

— Это не комплимент был.

— Я знаю. Но я всё равно принял как комплимент.

Лина не ответила. Но кружку не убрала — держала в руках, пила маленькими глотками. Доббс это заметил и не сказал ничего. Иногда молчать важнее.

«Чёрная звезда» набирала ход. Жнец оставался за кормой — золотистая точка, всё меньше и меньше. Потом пропал за краем поля зрения. Но петля на ладони Кейна мягко пульсировала в сторону, где он был. Якорь.

— Следующая точка? — спросила Лина.

— Прямо, — сказал Кейн. — Петля тянет прямо.

— Туда, откуда бегут Жнецы.

— Туда.

Лина ввела курс. Не спросила ничего больше. Это тоже был ответ — что-то вроде согласия, которое не нужно произносить вслух.

Кейн поднялся из кресла. Прошёл на камбуз — налить ещё чаю. По дороге задел плечом косяк, поморщился. Не из-за боли — просто привычка. Корабль был его, каждый угол знакомый, и всё равно иногда задевал.

На плите стояла кастрюля — та самая, которую Доббс не разбил, просто напугал. Под крышкой что-то тихо булькало.

— Ты что-то варишь? — спросил Кейн.

— На ужин. — Доббс появился в дверях камбуза. — Нашёл в запасах банку тушёного белка и сушёные овощи. Получится нормально, если не ждать слишком много.

— Не жду.

— Хорошо. — Доббс помолчал. — Капитан.

— Что?

— Мы правда идём туда, откуда бегут Жнецы.

— Правда.

— Это очень плохая идея.

— Знаю.

— Хорошо, что знаете. — Доббс достал деревянную ложку — откуда на космическом корабле деревянная ложка, Кейн так и не спросил за все годы. — Просто хотел убедиться, что это осознанное решение, а не случайность.

— Осознанное.

— Тогда я за. — Доббс помешал в кастрюле. — Ужин через двадцать минут.

Кейн вышел в коридор. Лина у пульта развернулась — шесть пальцев на левой руке задержались на консоли на секунду дольше, чем нужно. Что-то они уже слышали впереди. Что — она не сказала.

Глава 7. Сердце, которое поёт в миноре

«Чёрная звезда» шла вперёд три часа.

За это время Доббс подал ужин — тушёный белок с сушёными овощами, вышло терпимо, даже лучше чем терпимо. Лина съела всё. Кейн съел половину и отдал остаток Доббсу, который не возражал. Потом Доббс помыл посуду — новые тарелки, фарфоровые, белые без рисунка, купленные ещё на Порт-Нов. Мыл аккуратно, без торопливости, как моют вещи, которые стоили денег.

— Доббс, — сказала Лина.

— Да?

— Ты всегда так тщательно моешь посуду?

— С тех пор, как купил нормальную. Дешёвую не жалко. Хорошую — жалко.

— Логично.

— Да. — Он поставил тарелку сушиться. — Лина, а ты когда-нибудь покупала что-то хорошее и потом жалела, что купила?

— Это не про посуду уже.

— Нет. Просто интересно.

— Доббс.

— Отвечать не обязательно.

— Тогда зачем спрашивать?

— Просто нравится разговаривать с тобой.

Лина посмотрела на него. Потом обратно на карту.

— Мой ответ — нет, — сказала она. — Я не покупаю то, о чём могу пожалеть.

— Как ты это определяешь заранее?

— Думаю дольше, чем нужно.

— А если думать некогда?

— Тогда смотрю на капитана и делаю то же, что он.

Доббс обернулся с выражением одновременно и вопроса, и ответа. Кейн сделал вид, что не заметил.

Доббс убрал тарелки в шкаф. Сел на своё место.

— Капитан, — сказала Лина.

Кейн поднял голову от карты. Впереди — новая структура. Не шар, как Жнец-якорь. Другое. Больше, сложнее, неправильной формы — как несколько шаров, слипшихся вместе. Поверхность тёмная, матовая. Не золотистая. И не пульсировала — двигалась. Медленно, всей поверхностью, как дышат.

— Улей, — сказал Кейн.

— Живой? — спросил Доббс.

— Очень живой, — сказала Лина. — Биосканер зашкаливает. Там не одно существо — рой. Десятки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.